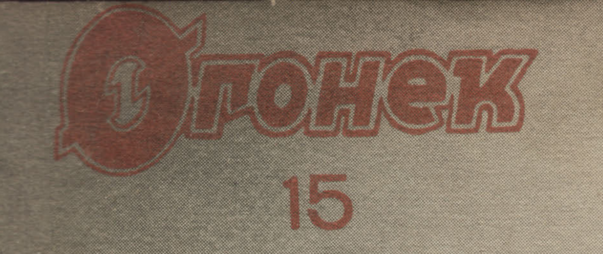

Огонек
15



Сельская учительница Юлия Михайловна Савельева (см. стр. 8) *Фото Дм. Бальтерманц*

На обложке — Штиль. Фотоэтюд Я. Халипа. На последней странице обложки — Артисты Т. Оппенгейм и И. Васильев, исполняющие цыганскую пляску в балете „Сказка о попе и о работнике его Балде" (Ленинградский Малый оперный театр).

18-й год издания

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



№ 15
(702)
30 мая
1940 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

15 мая открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. В первый день на Выставке побывало около 70 тысяч посетителей. Направляясь в павильоны, посетители заполняют просторные площади, широкие проспекты, аллеи, дорожки Выставки.

Фото Л. Смирнова.

Г. Фролова

«ТИХИЙ ДОН» ШОЛОХОВА

Последняя книга «Тихого Дона» еще сильнее предыдущих утверждает творческую правду художника, его верность действительности, его смелое раскрытие путей героев романа. Политические и морально-эстетические проблемы, поставленные в «Тихом Доне», возникли в результате наблюдения и изучения художником действительности, в результате естественного восприятия повседневного окружения и вдумчивой проверки всего накопленного в постоянном общении с народом.

Первоначальный замысел Шолохова состоял в том, чтобы показать казачество в революции: «Начал с участия казачества в походе Корнилова на Петроград... Написал листов 5 — 6 печатных. Когда написал, почувствовал что-то не то... Для читателя остается непонятным — почему же казачество приняло участие в подавлении революции? Что это за казаки? Что это за область Войска Донского?.. Поэтому я бросил начатую работу, стал думать о более широком романе. Когда план созрел, приступил к собиранию материала. Помогло знание казачьего быта.

«Тихий Дон», таким, каким он есть, я начал примерно с конца 1926 года».

Первая книга «Тихого Дона» вышла в свет в 1928 году, и с той поры неповторимые люди «Тихого Дона», их судьбы волновали читателя. Со всех концов нашей необъятной родины товарищ Шолохов получал письма, в которых спрашивали: как сложится дальнейшая жизнь Григория Мелехова; как надо понимать такое место описания войны; не ошибся ли автор в летах Пантелея Прокофьевича Мелехова и т. д., и т. д.?

Советский читатель с неослабным интересом ждал завершения судеб героев «Тихого Дона». И вот через семь лет после опубликования третьей книги (в 1933 г.) напечатана последняя, четвертая. С новой силой взволновала трагедия Григория Мелехова.

Сохраняя объективность изображения героической непримиримой борьбы народа за новое, за будущее человечества, его революционной энергии и силы, переделывающей мир, Шолохов с высоким художественным мастерством показал, почему белогвардейщине удалось вовлечь донское казачество в войну против русского народа. Показал и отважных сынов трудового казачества, борцов революции: Подтелкова, Кривошлыкова, Бунчука, Ивана Алексеевича.

В развитии характера Григория автор отобразил наиболее существенные стороны истории донского казачества, прошедшего сложный, противоречивый и весьма своеобразный путь.

Вместе с тем Григорий обладает теми индивидуальными, ему только свойственными чертами характера, которые отличают его от всей массы, представляемой им. Григорий — яркая, сильная и сложная натура, искалеченная вековыми косными сословно-казачьими традициями. Глубоким трагизмом отличается его судьба от исторической судьбы всего трудового казачества, принявшего революцию.

Это подчеркивает грандиозность той работы, которую проделало над собой казачество, идя за большевиками, подчеркивает великое значение той мысли классиков марксизма, что массовое изменение людей возможно только в практическом движении — в революции; следовательно, революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что с в е р г а ю щ и й класс только в революции может избавиться от всей старой мерзости и стать способным создать новое общество.

Не сумел Григорий Мелехов преодолеть свою деревенскую ограниченность и подняться на ту ступень развития сознания, на которую бесповоротно поднялся казак-бедняк Михаил Кошевой. Для Кошевого дело народа становится своим, кровным делом. И в этом острота драматического конфликта между Кошевым и Григорием Мелеховым. Хорошо показана «диалектика души» Кошевого в его размышлении о том, «что преждевременно осел он в родном хуторе: «Рановато я взялся за хозяйство, поспешил...» — с досадой думал Мишка, читая в окружной газете сводки с фронтов или слушая по вечерам рассказы демобилизованных казаков — красноармейцев». Помрачнел Кошевой, когда врачебная комиссия не признала его годным для службы в рядах Красной Армии: «Очень вас малярия истрепала».

...Вернулся в Татарский Мишка председателем хуторского ревкома. Новое общественное положение воодушевило Кошевого, вызывало гордость за себя... Это любовно подчеркнуто автором и в том, как Михаил Кошевой прихорашивался перед зеркалом, тщательно поправляя фуражку, и в наказе жене, когда уходил из дому: «...Ежли кто будет спрашивать, где, мол, председатель, — скажи, что скоро вернется».

Чувство ответственности проявляет Михаил Кошевой в борьбе с Кириллом Громовым, вернувшимся из армии с оружием и награбленными вещами...

Попытка Кирилла Громова укрыться от регистрации в военкомате, затем бегство его, Охваткина и незнакомого казака, укрывавшегося в доме Громова, удваивают настороженность Михаила Кошевого, которого и без того тревожит «настроение... хуторян: некоторые из них открыто говорили, что советской власти к зиме будет конец, что Врангель вышел из Таврии и вместе с Махно подходит к Ростову, что союзники высадили в Новороссийске огромный десант...»

Цельность Михаила Кошевого как борца-большевика сказывается и в быту, во взаимоотношениях с женой. Ограниченная кругом домашних интересов, Дуняша не утаила от мужа свое недовольство тем, что в хуторе нет соли.

«— Как-нибудь проживем, Дуня. Вскорости должны привезти соль. Аль у нас этого добра мало?

— У вас всего много.

— У кого это, у вас?

— У красных.

— А ты какая?

— А вот такая, какую видишь. Брехали-брехали: «всего-то у нас будет много, да все будем ровно жить да богато...» Вот оно и богачество ваше: щи посолить нечем!»

Ошеломленный злобой Дуняши, Михаил Кошевой в недоумении обратился к ней:

«— Что это ты, Дуняша? Как ты гуторишь. Да разве можно?»

Но Дуняша Мелехова не унималась... Кошевой собрал свою волю. «Он смотрел на землю, не поднимая на жену глаз; губы его мелко дрожали, когда он говорил:

«— Ежели ишо раз так будешь говорить — не жить нам с тобой вместе, — так и знай! Твои слова — вражьи...»

С этих пор холодком повеяло в дружбе Михаила с Дуняшей.

Властно захватила новая жизнь Мишу Кошевого. На развитии его характера можно проследить, как человек, активно участвующий в революционной борьбе народа, освобождается от ограниченности, от развращающего влияния эксплоататорского общества, духовно обогащается.

Рядом с Михаилом Кошевым, для которого и будущее ясно и сегодняшний день полон забот о будущем, стоит Григорий Мелехов, растративший всю жизненную активность: «Я отслужил свое. Никому больше не хочу служить. Навоевался за свой век предостаточно и уморился душой страшно. Все мне надоело, и революция, и контрреволюция».

Замечательно, однако, что Григорий силится убедить Михаила Кошевого в том, что он не против советской власти: «...одно хочу тебе на последок сказать: против власти я не пойду до тех пор, пока она меня за хрип не возьмет».

Григорий твердо решил не ходить в Вешенское политбюро (где брались на особый учет бывшие офицеры).

«Вот и кончилась его недолгая мирная жизнь...»

Снова скрывался от советской власти, снова скитался из хутора в хутор. Тосковал Григорий по детям, по Аксинье. «...Часто во время бессонных ночей он надевал шинель, с твердым решением итти в Татарский, — и всякий раз, пораздумав, раздевался, со стоном падал на кровать вниз лицом».

По дороге из хутора Горбатовского в Ягодный Григорий нарвался на разведку банды Фомина.

Встреча Григория с главою бандитской шайки Фоминым вызвала у Григория тяжкие думы. Снова холодной волной ударил душевный разлад... В комнату Фомина втолкнули пленного, избитого красноармейца... Его допрашивал Фомин. На ехидные предложения Фомина — не желает ли красноармеец послужить у него — красноармеец с предельной выдержанностью спросил:

«— А вы кто такие есть?

— Мы? — Фомин высоко поднял брови, разгладил ладонью усы. — Мы — борцы за трудовой народ. Мы против гнета комиссаров и коммунистов, вот кто мы такие.

И тогда на лице красноармейца Григорий вдруг увидел улыбку.

— Оказывается, вот вы кто... А я-то думал, что это за люди? — Пленный улыбался, показывая окрашенные кровью зубы, и говорил так, словно был приятно удивлен услышанной новостью, но в голосе его звучало что-то такое, что заставило всех насторожиться. — По-вашему, значит, борцы за народ. Та-а-ак. А по-нашему, просто бандиты. Да чтобы я вам служил? Ну, и шутники же вы, право!

— Чумаков! В расход его».

. . . .

Как потрясен был Григорий простотой, с которой красноармеец выразил свое презрение к банде Фомина, как поразила его внутренняя красота человека из большевистской семьи, — художник дает нам знать одним штришком, осторожно, чтоб не вмешаться в думы и чувства читателя в эту величественную минуту, когда любовь красноармейца к родине побеждает смерть... Когда сама смерть превращается в жизнеутверждающую силу!

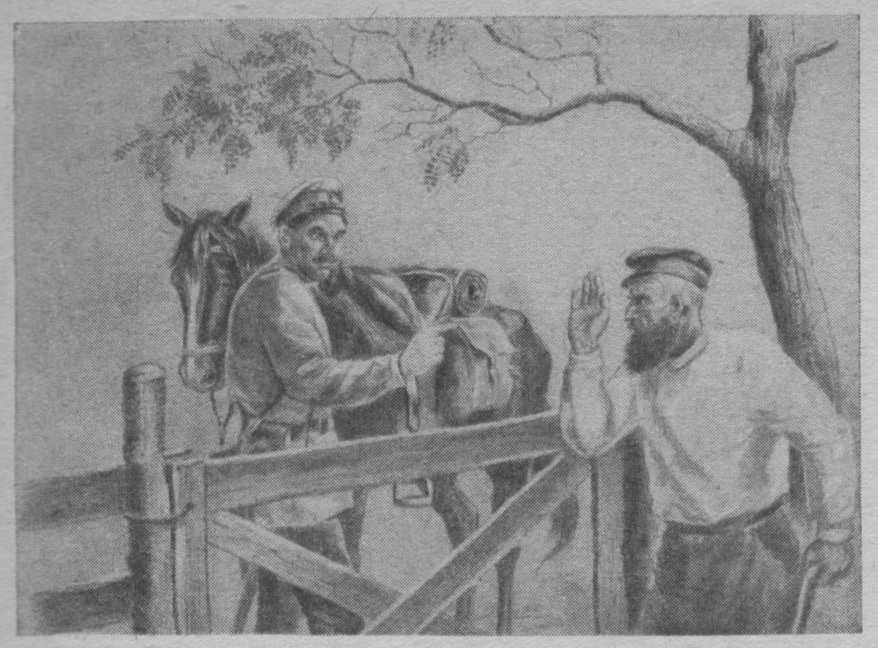
Увели красноармейца... Фомин «подошел к Григорию, сел рядом, спросил:

— Короткий у нас суд?

— Короткий, — избегая встретиться глазами, ответил Григорий».

Это душевное смятение Григория, как и все мучительные его колебания за или против большевиков, глубоко философски осмыслено автором и служит идейной целеустремленности всего произведения. Смятение Григория Мелехова (видавшего всякие виды), вызванное мужественным поведением красноармейца, художественно утверждает ленинское положение о том, что: «Как ни велики, как ни неизбежны мелкобуржуазные шатания и колебания назад, в сторону буржуазного «порядка», под «крылышко» буржуазии, со стороны непролетарских и полупролетарских масс трудящегося населения, тем не менее они все же не могут не признавать морально-политического авторитета за пролетариатом, который не только свергает эксплуататоров и подавляет их сопротивление, но который также строит новую, более высокую, общественную связь, общественную дисциплину: дисциплину сознательных и объединенных работников, не знающих над собой никакого ига и никакой власти, кроме власти их собственного объединения, их собственного, более сознательного, смелого, сплоченного, революционного, выдержанного авангарда» (Л е н и н. Т. XXIV, стр. 338).

Стремление утомленного Григория к отдыху, к покою, желание избавиться от «политики» объективно привели его к оправданию «позорных уродств общественных отношений» (А. М.



«— А-а-а...— понимающе протянул Митька и побледнел. — Выгоняешь, стало быть?...— Не хочу, чтобы ты поганил мой дом! — решительно повторил старик.— И больше чтобы и нога твоя ко мне не ступала. Нам, Мелеховым, палачи не сродни, так-то!»

Иллюстрация худ. С. Королькова



«— Погляжу я на вас, и до того тошно мне становится... — Прохор яростно замахнулся на лошадей кнутом».

Иллюстрация худ. С. Королькова

Горький). Тех самых «позорных уродств», которые искалечили его, Григория, жизнь.

Сам Григорий уже ясно осознает, что средства борьбы его за свою жизнь ведут его к гибели...

«— У меня выбор, как в сказке про богатырей: налево поедешь — коня потеряешь, направо поедешь — убитым быть...» Но не хватило мужества явиться к народу с повинной головой, и Григорий остается в банде Фомина. Так и говорит ему:

«— Деваться некуда, потому и выбрал.

— Ну?

— Вступаю в твою банду».

Григорий знал, что рано или поздно банда Фомина будет уничтожена, но в душе теплилась надежда «дотянуть как-нибудь до лета, а тогда захватить пару лучших в банде лошадей, махнуть ночью в Татарский и оттуда, вместе с Аксиньей — на юг...», чтоб там пережить «смутное время».

Пришлось Григорию чувствовать на себе «угрюмые» и «ненавидящие» взгляды казаков Верхнего Дона. Томило безлюдье в захваченных бандой хуторах. Мысль покинуть банду крепла с каждым днем. «Лошадей стал подготавливать к короткому, но стремительному пробегу...»

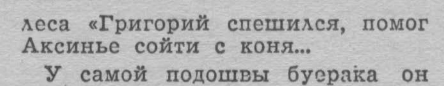
Желанный момент настал... Вольготно, легко дышится Григорию вдали от постылой банды. Ночь ласкающе спокойна. «В черном небе — золотая россыпь мерцающих звезд. В степи — тишина и ветерок, напитанный родным и горьким запахом полыни...»

Последний трудный перевал. Григорий вместе с лошадьми пускается вплавь... И вот уже «старый мелеховский курень, темные купы яблонь, колодезный журавль под Большой Медведицей...»

Охваченная радостью неожиданной встречи с Григорием, Аксинья говорила ему:

«— Видишь, какая я... свистнул, как собачонке, и побежала за тобой. Это любовь да тоска по тебе, Гриша, так меня скрутили... Только детишек жалко, а об себе я и «ох» не скажу. Везде пойду за тобой, хоть на смерть!»

В Сухом логу, в восьми верстах от Татарского, на опушке



леса «Григорий спешился, помог Аксинье сойти с коня...

У самой подошвы буерака он выбрал небольшую полянку, сказал:

— Тут и будет наш стан, располагайся, Ксюша!»

Неподалеку от этого стана, всего через несколько часов, погибнет Аксинья, а вместе с ее смертью настанет конец и мятежной жизни Григория Мелехова. Здесь сгладится грань между двумя началами, мучительно боровшимися в сознании Григория. Сильный, энергичный, искренно прямой в отношениях с людьми, активно-деятельный, казак Григорий Мелехов уступает место Григорию, который связан главным образом с родным куренем, с сыном:

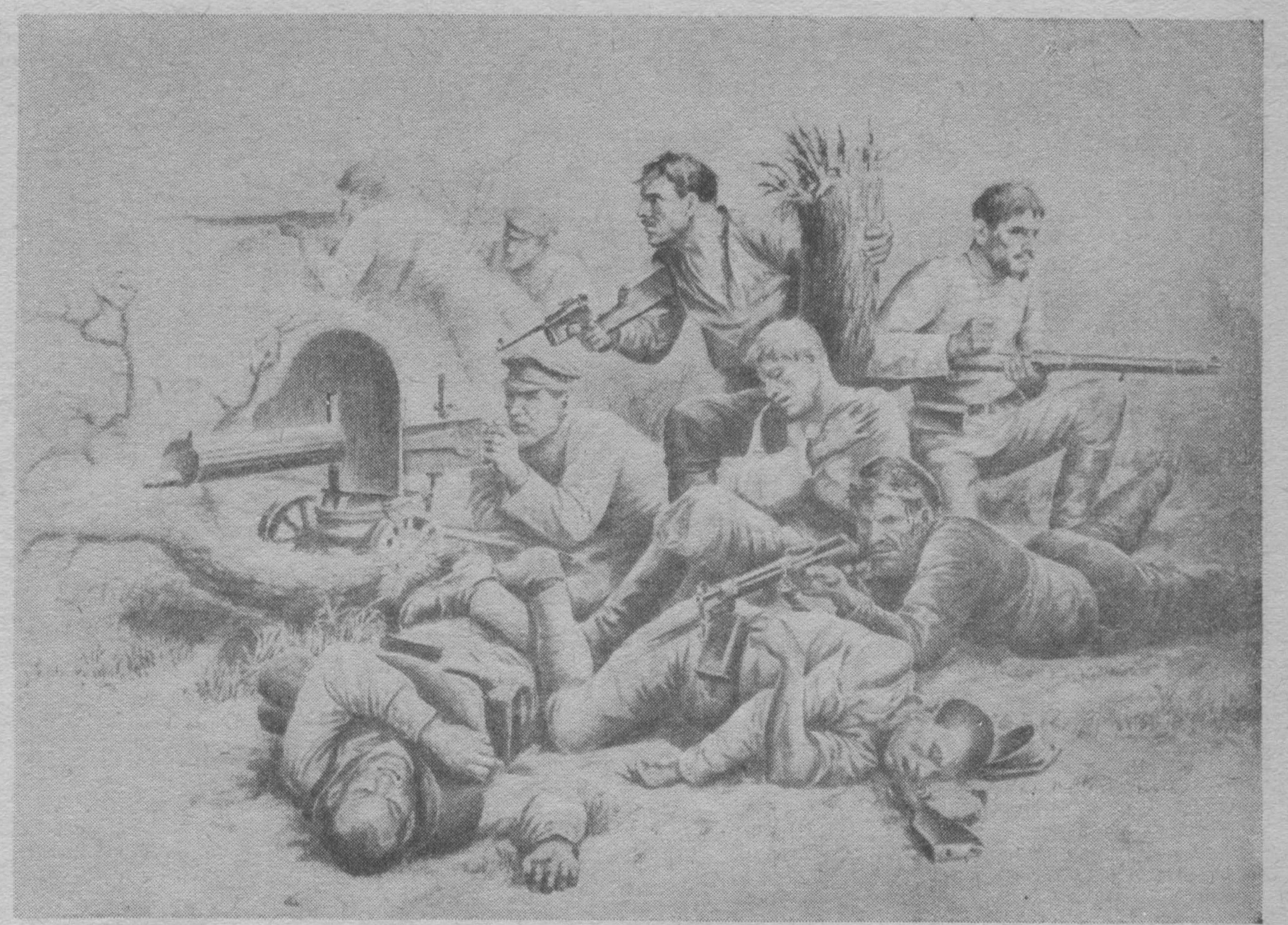
«— Что ж, вот и сбылось то немногое, о чем бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына...

Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром».

Трудную, сложную задачу разрешил Шолохов в развитии характера, в раскрытии душевного строя и жизнедеятельности Григория Мелехова, задачу, которую ставил перед искусством социалистического реализма А. М. Горький: «Литератор должен выучиться прививать, приписывать единице наиболее характерные черты ее класса, дурные и хорошие,— те и другие вместе, когда литератор хочет показать раздвоенную психику».

На первых страницах романа Михаил Шолохов рассказывает нам о том, как на земле Войска Донского, в хуторе Татарском, где солнце играло с серебристой водой величавого Дона, «господа-старики» (казаки) навели кровавый суд на иноземку — жену Прокофия Мелехова.

В трагической гибели иноземки Шолохов раскрывает звериный быт старой казачьей станицы, ее предрассудки, суеверие.



«Сто шестнадцать павших последними возле Дона были все коммунисты Интернациональной роты».

Иллюстрация худ. С. Королькова

Волчье отношение человека к человеку — закон эксплоататорского общества, которое само, без упорной героической борьбы народа не исчезает. Это раскрыл в «Тихом Доне» Шолохов.

Наша критика мало еще сказала о величавом образе Аксиньи, которая вошла в советскую литературу как знамение эпохи, как предвестник раскрепощения женщины от векового рабства. Мужество ее не иссякло, когда надо было бросить вызов старому укладу станичной жизни. Аксинья смело заявила обществу о своем страстном желании жить, жить действительно свободно. Неисчислимы впечатления и мысли, которыми дарит нас этот образ.

Скорбно, горько проходят ее дни без Григория. Она одинока. Она не признанная законом и обществом жена Григория. Она только любовница, соперница кроткой, преданной Григорию, несчастной Натальи, но уныние не берет верх над ее волей. Большое сердце Аксиньи умеет много страдать. И муки любви делают Григория еще более близким, родным ей.

И в гневе, и в скорби, и в отчаянии, и в радости, и в повседневной будничной заботе — везде, всегда с нею образ любимого Гришки.

В остром ощущении Аксиньи своей связи с землей, с природой есть что-то нерушимо самобытное.

Властная сила условий, зависимость от окружающего толкнули Аксинью на близость с барином, Евгением Листницким, для которого она стала легкой утехой. Но Аксинья в глазах читателя не теряет своего обаятельного облика. И грязь Листницкого, девиз которого «лови момент», не запятнала Аксинью...

Шолохов не может писать фальшиво, ему чуждо прикрашивание, вот почему он не скрывает от читателя правды об Аксинье.

Без ложной патетики, просто, как это совершается в жизни, Шолохов показал, как среди всех волнений, страстей и пучины бед Аксинья пронесла свою большую любовь, омытую слезами тоски и обид... как ни больно, что оборвалась внезапно жизнь Аксиньи, но хорошо, что Шолохов услышал выстрел на пути Аксиньи к (казавшемуся ей) счастью... Тем самым автор дает нам право мысленно продлить жизнь Аксиньи и убедиться в том, что не погибла бы Аксинья, ее любовь не удержалась бы на узенькой площадке личного... Ее интенсивное ощущение жизни переключилось бы на большие дела... Такая Аксинья учит нас тому, что по-настоящему любит жизнь тот, кто умеет отдавать ее за народ. (Шолохов дает нам право мысленно продлить жизнь Аксиньи, ибо она образ синтетический, ибо образ, который создал Шолохов, близок, дорог советскому читателю.)

Смерть Аксиньи читатель воспринимает как смерть близкого знакомого: знаешь, что он умер, но он продолжает в памяти жить. Вот и Аксинья перед нами: то нам представляется ее взволнованное чувство, достигающее подлинного величия (последняя встреча с Григорием), то ее сдержанная поэтическая грусть:

«Милый мой, Гришенька, сколько седых волос-то у тебя в голове... ты же недавно парнем был...», — то спокойный ее рассказ Григорию о детях его: «Полюшка—тихонькая, смирная. Куклят ей нашью из лоскутов, она сидит с ними под столом, занимается».

Особенно больно расставаться с Аксиньей, которая «туманным утром впервые после выздоровления вышла на крыльцо и долго стояла, опьяненная бражной сладостью свежего весеннего воздуха...», которая, «безумно наслаждаясь вернувшейся к ней жизнью, испытывала огромное желание ко всему прикоснуться руками, все оглядеть».

Самобытно прекрасны образы Натальи и Ильиничны (жены и матери Григория Мелехова). Шолохов создал вдохновеннейшие, поэтически-нежные страницы о них, полные глубокого проникновенного чувства.

Нас потрясает гнев Натальи, когда она просит бога покарать Григория за причиненные ей муки. В этом гневе предопределилась грозящая катастрофа, которая подчеркивается и состоянием природы в этот момент:

«Черная, клубящаяся туча ползла с востока. Глухо грохотал гром. Пронизывая крутые облачные вершины, извиваясь, скользила по небу — жгуче-белая молния. Ветер клонил на запад ропщущие травы, нес со шляха горькую пыль, почти до самой земли пригибал отягощенные семечками шляпки подсолнухов.

Ветер трепал раскосмаченные волосы Натальи, сушил ее мокрое лицо, обвивал вокруг ног широкий подол серой будничной юбки.

Домой возвращалась с Ильиничной по омытой ливнем степи, дивно зеленевшей...

— Смерти я ему не хочу... сгоряча я там все говорила... Вы меня не попрекайте за это... Из сердца не выкинешь, но и так жить тяжелехонько!..»

Как ни «тяжелехонько» было Наталье, но твердо решила: «...я из вашего дома никуда не тронусь». Наталья помнит, как душно, тягостно было ей в родительском доме тогда, после первого разлада с Григорием, все напоминало ей недавние девичьи мечты о счастье и поруганную ее бескорыстную любовь к Григорию. А в курене Мелеховых она чувствовала искреннюю любовь к себе Ильиничны, доброе, ласковое отношение Пантелея Прокофьевича, тепло от ребяческой улыбки Дуняшки. А главное, все напоминало о Григории, каждый уголок горницы был наполнен и дорогими и безрадостными воспоминаниями о нем.

Известно, что смерть Натальи равносильна самоубийству... Чувство чести, протест против обмана мужа, толкнули ее на аборт, от которого и погибает Наталья. И вот... гаснет жизнь в ее красивых глазах, слабеет голос, но чувство любви к Григорию теплится до последнего вздоха:

«— Вы сами обмойте меня, не хочу, чтоб чужие... Хочу чистой быть, как помру... Маманя, вы меня оденьте в зеленую юбку, в энту, какая с прошивкой на оборке... Гриша любил, как я ее надевала... и в малиновую кофточку... Мне уж надо прощаться... Сыну Наталья завещает: «Приедет отец — поцелуй его за меня и скажи ему, чтобы он жалел вас».

Мишатка передал отцу это завещание матери:

«В это время к столу несмело, подошел Мишатка. Он вскарабкался отцу на колени и, неловко обнимая его за шею левой рукой, крепко поцеловал в губы.

— Ты чего это, сынок? — растроганно спросил Григорий, заглядывая в затуманенные слезами детские глаза...

Мишатка негромко ответил:

— Маманька, когда лежала в горнице... когда она ишо живая была, подозвала меня и велела сказать тебе так: «Приедет отец— поцелуй его за меня и скажи ему, чтобы он жалел вас». Она ишо что-то говорила, да я позабыл...

Григорий поставил стакан, отвернулся к окну. В комнате долго стояла тягостная тишина».

Кое-кто из наших критиков почтил память Натальи, как слабой, тепличной натуры. Это неверно: слабый человек не может обладать такой силой чувства, какую дал Шолохов Наталье.

Кое-кто из наших критиков создал Наталье славу «нелюбимой жены» и на этом кончил свое исследование. В живой действительности, которую раскрывает перед нами Шолохов, дело обстоит иначе:

«Было время, когда Григорий ничего не питал к жене, кроме холодного безразличия и даже неприязни, но за последние годы он стал иначе относиться к ней, и основной причиной перемены, происшедшей в его отношении к Наталье, были дети...

После разрыва с Аксиньей Григорий никогда не думал всерьез о том, чтобы разойтись с женой, никогда, даже вновь сойдясь с Аксиньей, он не думал, чтобы она когда-нибудь заменила мать его детям. Он не прочь был жить с ними с обеими, любя каждую из них по-разному»...

Подобных строк в седьмой части «Тихого Дона» немало. Они не позволяют нам судить об отношении Григория к Наталье по законам формальной логики.

Нас пленяют женские образы «Тихого Дона». Ильинична согревает сердце читателя своей глубоко человеческой жалостью и заботой о больном Михаиле Кошевом — большевике, убившем ее сына Петра. Для Ильиничны примирение с Кошевым — плод большой внутренней борьбы... Тем сильнее впечатление от этого душевного состояния Ильиничны, что у нее происходит злое столкновение с вернувшимся с фронта Кошевым:

«— Душегуб ты!

— Это какой же я душегуб?

— Истинный! Кто Петра убил? Не ты?

— ...А ежели б Петро меня поймал, что бы он сделал? Думаешь, в маковку поцеловал бы? Он бы тоже меня убил... На то она и война.

. . . .

Ильинична стала исподтишка наблюдать за Кошевым и только тогда увидела, как страшно исхудал он за время болезни... Чем больше всматривалась Ильинична в сутулую фигуру «душегуба», в восковое лицо его, тем сильнее испытывала чувство какого-то внутреннего неудобства, раздвоенности. И вдруг непрошенная жалость к этому ненавистному ей человеку — та щемящая материнская жалость, которая покоряет и сильных женщин, проснулась в сердце Ильиничны. Не в силах совладать с новым чувством, она подвинула Мишке тарелку, доверху налитую молоком, сказала:

— Ешь ты, ради бога, дюжей! До того ты худой, что и смотреть-то на тебя тошно...»

Так Шолохов умеет с какой-то горьковской мудростью находить в человеке из народа хорошее, достойное, благородное, которое эксплоататорское общество всеми средствами калечило, убивало в человеке.

Полной противоположностью этому душевному богатству, психологическому изяществу, цельности чувства и моральной силе русской женщины из народа является Лиза Мохова — представительница умирающего класса. «Культурно» и «корректно» она расходится с любовником сегодня, чтоб завтра сойтись с другим. Ей чужды муки расставания, потому что никто из мужчин, с кем она связывается, никогда не был ей родным, близким.

Душевная опустошенность Лизы Моховой отображена в ее же языке:

«— Что ж, давайте сойдемся. Поживем — увидим. Только дайте мне срок, чтобы я могла покончить с моей бывшей привязанностью.

— Кто он? — поинтересовался я.

— Вы его не знаете. Доктор один, венеролог.

— Когда вы освободитесь?

— Я надеюсь, к пятнице».

Этот разговор происходит с малознакомым ей человеком, которому Елизавета говорит:

«— Видите ли, Александр Иванович... Что я вам могу сказать? Вы мне чуточку нравитесь. Высокий вы очень.

— Я еще подрасту, — пообещал я.

— Но мы так мало знакомы...»

«Расстались с Елизаветой, — пишет в своем дневнике ее любовник, — как полагается культурным людям, корректно. Безо всяких и без некоторых. Сегодня видел ее на Дмитровке с молодым человеком в жокейских сапожках. Сдержанно ответила на мой поклон».

Через месяц совместной жизни с Елизаветой Моховой Александр Иванович записывает в свой дневник: «Я поражаюсь Елизавете. Ей 21 год. Когда она успела так разложиться? Что у нее за семья, как она воспитывалась, кто приложил руку к ее развитию?..»

Такова «мораль» умирающего класса, таково поведение этого потомка капиталистического общества, и такой воплотилась Лиза Мохова в творческой лаборатории подлинного художника.

«Тихий Дон» Шолохова учит нас познавать прошлое, лучше видеть народную силу, ярче чувствовать его — исполина-созидателя.

«Тихий Дон» — одно из значительных проявлений метода социалистического реализма.

«Художник — чувствилище своей страны, своего класса, ухо, око и сердце его; он голос своей эпохи», — эти слова А. М. Горького полностью относятся к Михаилу Шолохову.

ВОЙНА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ



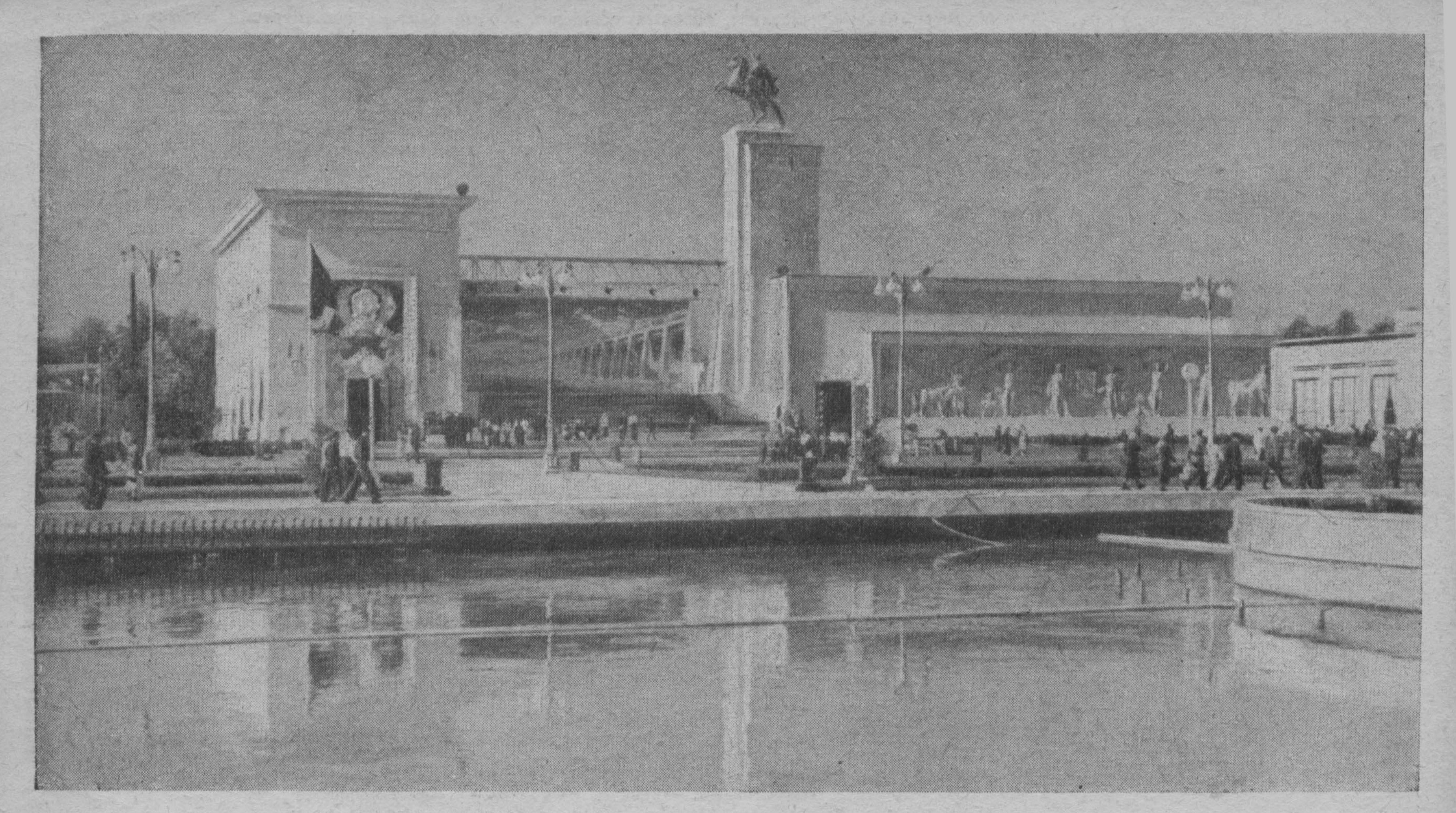
1. Взвод германской пехоты направляется под прикрытием танка в норвежскую деревню.

2. Германские войска атакуют позиции норвежцев на шоссе, ведущем из Осло в Хенефос.

3. Противовоздушная оборона в Англии. Для большей убедительности на улицах Портсмута во время воздушной тревоги фигурировали «сбитые и пылающие германские самолеты» ввиде старых, опрокинутых вверх колесами и подожженных автомашин.

4. «Я служил своему отечеству, когда оно во мне нуждалось. Купите, пожалуйста, мне нужно на пропитание». Участник первой империалистической войны — один из множества лондонских нищих — продает спички сердобольным прохожим.

5. Квартирная плата отнимает у английского рабочего половину заработной платы. «Не вносите квартирной платы!» — этот лозунг, написанный на стенах домов, призывает лондонских квартиронанимателей к борьбе с растущими апетитами домовладельцев.



Павильон «Поволжье» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Фото В. Микоша.

А. Векслер

НЕЗРИМЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

Двухэтажное здание напоминает скорее комфортабельный коттедж, нежели завод. Вы не увидите здесь застекленных пролетов цехов, не услышите гудков паровозов и стука машин. Внутри вас удивляет необыкновенное спокойствие ползущих конвейерных лент и медленно вращающихся столов.

Едва сдерживая свое любопытство, спешишь разгадать секреты странного производства. Издали видно, как вдоль потолка по воздушному рельсу движется железная корзина и затем, спускаясь вниз, погружается в глубокий котел-автоклав. Корзина заполнена стеклянными банками с плотными металлическими крышками; на каждой крышке отверстие, заткнутое ватным тампоном.

Но что за сырье содержится в этих сосудах? Сквозь чистое, тщательно промытое стекло вы видите тугую набитую массу влажной земли.

Тяжелая крышка автоклава закрывается, и из его глубины доносится свист горячего пара. Здесь при высокой температуре и большом давлении стерилизуется сырье, погибает его микрофлора. Земля становится похожей на бесплодную, горную породу, лишенную признаков жизни.

Отсюда по конвейеру банки со стерилизованной землей попадают в наглухо закрытую камеру, похожую на операционную комнату хирурга. Сотрудники в белых халатах вливают в эти банки через отверстия в крышках мутную жидкость, и после того как отверстие вместе с тампоном покрывается слоем красной смазки, банки направляются дальше, в инкубатор.

Еще пристальнее смотришь на банку, трогаешь ее рукой, пытаешься уяснить себе значение приготовленного фабриката. Но в сосуде та же земля.

Что за странный завод? Сырье — земля, фабрикат — земля.

Технорук приглашает вас посмотреть в микроскоп. И неожиданно перед вами открывается фантастическая панорама.

Огромные полчища маленьких палочкообразных живых существ энергично передвигаются с места на место. Одни из них толстые, другие длинные и ветвистые. Это бактерии.

В двухэтажном здании, напоминающем коттедж, помещается завод Наркомзема Союза ССР. Он готовит консервы бактерий — нитрагин.

ВРАГИ И ДРУЗЬЯ

Известно, что бухгалтер книжной торговли голландец Антон Левенгук крайне удивился, когда впервые увидел через отлитую им лупу «живых зверюшек». Они кувыркались в капле дождевой воды «как щуки», и их было больше чем людей в Голландии.

С тех пор прошло 250 лет. Кто теперь не знает, что каждая пылинка в воздухе или на земле содержит мириады незримых бактерий. Они живут всюду и везде — в пустынях жарких стран и под вечными льдами, на вершинах гор и в безднах океана.

Чарльз Дарвин, путешествуя у берегов Южной Америки, писал: «В одну очень темную ночь несколько южнее Ла-Платы море представляло удивительное и прекрасное зрелище. Дул свежий ветер, и каждая волна с пенистым гребнем наверху светилась бледным фосфорическим светом. Перед носом корабля, рассекающего волны, вздымались две струи как бы из жидкого воздуха, а сзади тянулся светлый след, напоминая млечный путь».

Это были светящиеся бактерии, смытые волной с медуз, моллюсков и инфузорий.

Ничто в природе так сказочно быстро не размножается, как бактерии. Одна бактерия, если не мешать ее развитию, могла бы в течение суток заселить своим потомством всю нашу планету. И в то же время нет организмов долговечнее бактерий. Они были найдены живыми в хоботе мамонта, пролежавшего десятки тысяч лет в земле, их обнаружили в римской гробнице, остававшейся нетронутой почти в течение двух тысячелетий.

И как бесконечно огромна роль этих «бесконечно малых существ» в жизни человека!

Бактерии — вечные спутники человека, вторгающиеся в его жизнь как враги и друзья.

Сколько человеческих жизней уносит чума и холера, проказа и тиф, оспа и туберкулез! Какие опустошения производит в Сибири столбняк и сибирская язва! Мы знаем об эпидемии чумы в средних веках, от которой погибла четвертая часть населения Европы.

Но разве не при помощи бактерий человек изготовляет хлеб и вино, масло и сыр, кумыс и кефир?

Разве не бактерии сообщают вину и чаю их душистый запах, придают маслу благородный аромат?

Разве не под влиянием бактерий сахар превращается в лимонную кислоту, крахмал — в ацетон и бутиловый спирт, спирт или вино — в уксус?

Бактерии, разлагая клейкие вещества ткани при биологической мочке конопли и льна, кенафа и кендыря, дают возможность человеку изготовлять себе ткани для одежды.

Люди ходят по земле, не подозревая, сколько невидимых друзей они попирают ногами.

В темных лабиринтах земли бактерии неизменно служат человеку, вырабатывая пищу для посеянных им пшеницы и ржи, картофеля и хлопка. Они, точно могильщики, очищают поверхность земли от трупов животных и остатков растений и, разлагая белки, углеводы и жиры, превращают их в пищу для новых поколений животных и растений.

Бактерии выполняют гигантскую работу по образованию почвы и ее плодородного черного вещества, разрушают материнскую породу земли и разлагают ее на составные начала, растворяют фосфор и серу, необходимые для питания растений.

Без бактерий земля мертва, и чем энергичнее протекает их бурная деятельность, тем сильнее бьется пульс растительной жизни вселенной.

Но что собой представляют те крохотно-маленькие существа, которых любовно выращивают на заводе Наркомзема?

ПОХИЩЕНИЕ АЗОТА

Известный растениевод Рене Леблан утверждал:

«В жидких и твердых составных частях растений легко найти и выделить вещества такие, как крахмал, сахар, масла, которые состоят только из кислорода, водорода, углерода; но нет ни одного растения, ни одного растительного органа, которые не имели бы азота».

Ботаника учит, что растению для питания нужны те самые вещества, из которых состоят его листья, стебли, плоды. Растения добывают из воды водород, из воздуха — кислород и углерод. Но им нужен еще и азот. Без азота их жизнь невозможна так же, как и без воды.

Растение поглощает много азота из земли. Между тем земля расходует азота больше, нежели его производит. Из ее бархатночерных недр ежегодно расхищаются огромные количества почвенного азота. Каждый гектар заселенной земли берет из почвы свыше ста килограммов азота. А сколько азота ввиде солей вымывается из почвы грунтовыми водами, стекающими в реки и моря! Как огромны потери азота при испарении аммиака, сколько похищают его вредные микробы!

Когда в кладовой земли истощаются запасы азота, частицы почвы раздвигаются, теряют между собой взаимосвязь, и почва не может удержать накопленную влагу; вода сбегает, как сквозь дырявое решето, в более глубокие слои земли, лишая жизненных соков растения.

Тогда земледельца охватывает тревога. Он энергично удобряет землю навозом и селитрой, естественными и искусственными минеральными удобрениями.

К. А. Тимирязев говорил: «Существует предмет, не имеющий цены, предмет, на который еще не предъявлялось право собственности. Это воздух».

Четыре пятых беспредельного воздушного океана заполнены азотом. Сравнительно небольшой столб азота на одном только квадратном километре земной поверхности мог бы удовлетворить всю потребность растительного мира в азоте в течение четверти века.

Использует ли органический мир этот драгоценнейший дар природы — атмосферный азот?

Когда у знаменитого французского химика Лавуазье спросили, что такое азот, он ответил: «Непригодный к жизни».

Спросите самое растение, что такое атмосферный азот, и оно ответит: «Непригодный к жизни».

В этом трагедия растительного мира. Ни одно растение не может жить без азота. В то же время ни одно растение не может питаться азотом непосредственно из воздуха. Растение способно питаться лишь азотом связанным, а не газообразным, азотом, соединенным с кислородом, водородом или другими элементами. Таким образом, неограниченные запасы атмосферного азота остаются для растений мертвым капиталом.

Научился ли человек пользоваться этим даровым природным сырьем?

Химия устремилась в воздух, чтобы завоевать азот машинами. Норвежец Биркланд впервые связал азот с кислородом в пламени вольтовой дуги. Люди научились синтезировать аммиак из свободного азота и водорода. Но это обходится слишком дорого, и процессы эксплоатации даровых сил воздуха чрезвычайно сложны. Для этого нужны огромные цеха и многоступенчатые компрессоры, тонны цветного металла и высококачественной, пушечной стали.

●

И вот здесь величайшую услугу человечеству и всему органическому миру оказывают невидимые существа — бактерии.

Глубоко под землей биллионы микробов точно гигантские насосы выкачивают из воздушного резервуара драгоценный азот и в своих подземных лабораториях превращают его в доступное для растения питание.

Еще гениальный Луи Пастер высказывал гипотезу о существовании таинственного бактериального мира собирателей газообразного азота. Этот мир ждал в течение веков своего Колумба. Честь его открытия принадлежит русскому ученому С. Н. Виноградскому.

Сорок лет назад профессор Виноградский обнаружил свободно живущего в почве микроба клостридия, способного улавливать из воздуха азот и переносить его в почву.

Спустя три года голландец Бееринк открыл другой микроб — азотобактер, еще активнее обогащающий почву атмосферным азотом. Эти волшебные палочки, окрашенные в черные и зеленоватые цвета, работают быстро и дешево, накопляя в течение года на одном гектаре 50—60 килограммов азота.

Но среди бактерий-азотчиков найдены и другие, живущие неразлучно с самими растениями.

Еще в глубокой древности люди заметили, что бобовые культуры растут лучше, чем злаки и корнеплоды. Римляне Виргилий и Плиний писали в своих сочинениях, что на том месте, где раньше росли горох и фасоль или клевер и вика, хорошо наливаются зерном пшеница и рожь.

В XVIII веке в самых глухих уголках Австрии было известно имя крестьянина Иоганна Шубарта. Он доказал чудесные свойства культуры клевера как зеленого удобрения и распространил ее по всей стране. Император Иосиф II возвел Шубарта в дворянское достоинство, присвоил ему титул «фон Клеефельд» (клеверное поле) и пожаловал его гербом с клеверным листом.

В течение многих столетий не могли объяснить, почему бобовые культуры сами отлично растут и повышают урожаи других культур, которые посеяны на том же участке после них. Лишь пятьдесят лет назад растениеводы разгадали эту тайну. Они обратили внимание, что на корнях у бобовых образуются вздутья-клубеньки. Сначала думали, что эти наросты — не что иное, как болезнь корней. Но скоро стало ясно, что сила плодоносности бобовых скрыта именно в этих клубеньках. Здесь обиталища благотворных бактерий. Русский ученый Воронин впервые установил, что клубеньки у бобовых образуют особые бактерии. Они поглощают из атмосферы газообразный азот и питают им растение, а благодарное растение кормит бактерии своими соками.

«Здесь, — говорит Кинг, — два соседа обмениваются продуктами своей работы; каждый выполняет ту работу, к которой приспособился долгими годами специализации, и обменивают продукты этой работы с выгодой для обеих сторон».

Интересно то, что среди клубеньковых бактерий существуют свои виды. Одни поселяются только в клубеньках гороха, другие — клевера, третьи — сои и т. д. Каждый такой вид может развиваться лишь на корнях у своего излюбленного растения.

Открытие азотофиксирующих бактерий — триумф микробиологической науки. Однако не в каждой почве и не всегда на корнях у бобовых живут такие бактерии. Это обстоятельство навело на мысль разводить бактерии искусственно и заражать ими почву и растения.

УДОБРЕНИЯ В ЖИЛЕТНОМ КАРМАНЕ

Десять лет назад в Москве, на улице Герцена, приютилась скромная лаборатория. В полутемных комнатах, на прокопченных примусах молодые ученые готовили первые препараты клубеньковых бактерий.

Нынче эта лаборатория выросла в большое промышленное предприятие — 1-й Государственный завод бактериальных удобрений, которому присвоено почетное имя главы советского правительства В. М. Молотова.

В просторных, залитых солнцем комнатах второго этажа работают микробиологи, агрономы, химики. В одной из комнат создан своего рода микробиологический сад. В пробирках, на золотистом желе — агар-агаре, — растут чистые культуры бактерий, искусно выделенные из клубеньков бобовых растений. В одной пробирке обитают бактерии — соевики, в другой — люпинцы, в третьей — клеверщики.

Это родоначальники будущих поколений собирателей азота. Их дети, внуки и правнуки плодятся и размножаются в оранжереях-инкубаторах, сначала в колбочках, а затем в больших бутылях, заполненных искусственной питательной средой — бобовым отваром. Этим отваром заражают в прививочной камере завода консервные банки с землей. Такой препарат называется нитрагин.

Что такое нитрагин? Академик К. А. Тимирязев остроумно сказал: «Удобрения для целого поля в жилетном кармане».

И в самом деле, баночка нитрагина весит всего 500 граммов. В ней живет 500 миллиардов бактерий. Такая «карманная» порция достаточна для того, чтобы насытить азотом целый гектар бобового поля.

Откройте банку нитрагина, разведите ее содержимое в литре воды, смочите этой смесью семена и бросьте их в почву. Пройдет год, и вам станет очевидна эффективность азотного удобрения, заключенного в этом крошечном сосуде. В полевых журналах опытников, хат-лабораторий и сотен колхозов записано, что нитрагин повышает в среднем урожаи бобовых на 15—20%.

Баночка нитрагина стоит всего полтора рубля. При правильном его применении каждый гектар бобовых полей дает до 3 центнеров прибавочного зерна и свыше 40 центнеров зеленой массы.

Нитрагин, улучшая плодородие почвы, повышает урожай и следующих, после бобовых, в севообороте культур.

Завод Наркомзема может ежегодно изготовлять нитрагина на 2 миллиона гектаров посевов, то есть обеспечить миллионы тонн дополнительных урожаев бобовой продукции.

Но как использовать бактериальные удобрения не только для бобовых, но и для других культур: злаков, свеклы, картофеля? И эта задача в значительной степени теперь решена.

Академик Костычев впервые поставил вопрос об использовании микробов азотобактера в земледелии. Несколько лет назад его ученица А. Шелоумова предложила новый препарат — азотобактерин. Его сырье — это торф, а микробы, свободно живущие в почве, — азотобактеры.

Уже первые результаты испытания азотобактерина предвещают ему огромную будущность. Азотобактерин повышает урожай пшеницы на одном гектаре на 4 — 6 центнеров, овощных культур — на 100 — 150 центнеров.

А. Шелоумова говорит: «Три килограмма азотобактерина стоимостью в 3 рубля оказывают такое же действие на гектар поля, как 45 килограммов азота ввиде сульфата аммония».

Научные сотрудники Института зернового хозяйства нечерноземной полосы С. А. Абросимов, С. И. Кузнецов, Л. А. Розенберг и другие приготовили под научным руководством Г. Я. Петренко новый препарат азотобактерина ввиде сухого порошка. Порция на 1 гектар может поместиться в коробке спичек, она весит всего 30—45 граммов. Эта группа замечательных исследователей разработала теперь заводскую технологию массового производства «удобрений в жилетном кармане».

●

На заре своей жизни человек находился в окружении мира диких животных и растений.

Прошли тысячелетия, и все полезное, что было в этом мире, человек подчинил себе, превратив в своих друзей.

В конце XVI века, в эпоху великого Галилея, Антон Левенгук впервые открыл «мир зверюшек», и лишь полвека назад гениальный Луи Пастер поставил этот мир на службу человечеству. Люди раскрыли тайну жизни невидимых простым глазом мельчайших существ. Они научились не только распознавать среди них своих врагов, но и побеждать их. Они теперь не только знают своих друзей, но и умеют их использовать для хозяйственной деятельности человека.

Когда солнце ярко освещает цветущие поля, то в шелесте волнующихся колосьев слышится дыхание мириадов бактерий. Они обрабатывают землю, насыщают ее могучим азотом, повышают плодородие.

Это незримые земледельцы.

ПОЛВЕКА В ОДНОЙ ШКОЛЕ

Текст и фото Дм. Бальтерманц



Два поколения сельских учительниц: семидесятишестилетняя Юлия Михайловна Савельева и двадцатилетняя Вера Смирнова.

Больше чем полвека назад в село Казанское, около Павловского посада, приехала высокая и стройная двадцатилетняя девушка — учительница Юлия Михайловна Савельева.

В полуразвалившемся школьном здании начала она учительствовать. Это были тяжелые, мрачные годы. Ветер гулял по школе. Дети сидели в шубах и платках. Чернила замерзали. Не хватало учебников, тетрадей.

На селе говорили, что новая учительница строгая, но веселая, с народом приветливая. О ребятах заботится не только в школе. Придет в избу, посмотрит: что ест ее ученик, где спит, где уроки готовит, часто ли в баню ходит.

Проработав год в Казанском, Юлия Михайловна писала своей сестре:

«Помнишь, сестра, как написали мы с тобой в наших дневниках почти одними и теми же словами, только разными почерками: «Щедро, всем сердцем, всей жизнью заплатить детям нашего народа за неоплатные долги отцов и дедов наших».

Страшная темнота и дикие предрассудки царили в селе. Юлия Михайловна видела, как покорно умирали темные люди, не прибегая к медицинской помощи по бедности или по недоверию к врачам. Она не примирилась с этим. Кончила краткосрочные медицинские курсы. И учительница, которую все знали, любили, которой верили, пробуждает в народе доверие к науке, к знаниям, к врачу и своими руками несет народу врачебную помощь.

После Октябрьской революции школа в Казанском стала центром агитационной работы села. Сколько Юлия Михайловна провела за это время общеобразовательных, агрономических, педагогических курсов, сколько антирелигиозных и санитарно-просветительных докладов сделала она! Слава о «казанском университете», как называли школу, которой заведывала Юлия Михайловна, разнеслась по всему округу. Школа выпускала не только хорошо грамотных учеников, но с необычным для сельской школы образовательным и культурным уровнем.

При праздновании пятидесятилетней деятельности Юлии Михайловны школа не могла вместить всех желающих поздравить ее: съехалось свыше тысячи гостей. Среди приехавших были сотни бывших учеников этого талантливейшего педагога, обучившего в Казанском селе — теперь сплошной грамотности — всех, от мала до велика: от стариков-дедов до маленьких внуков.

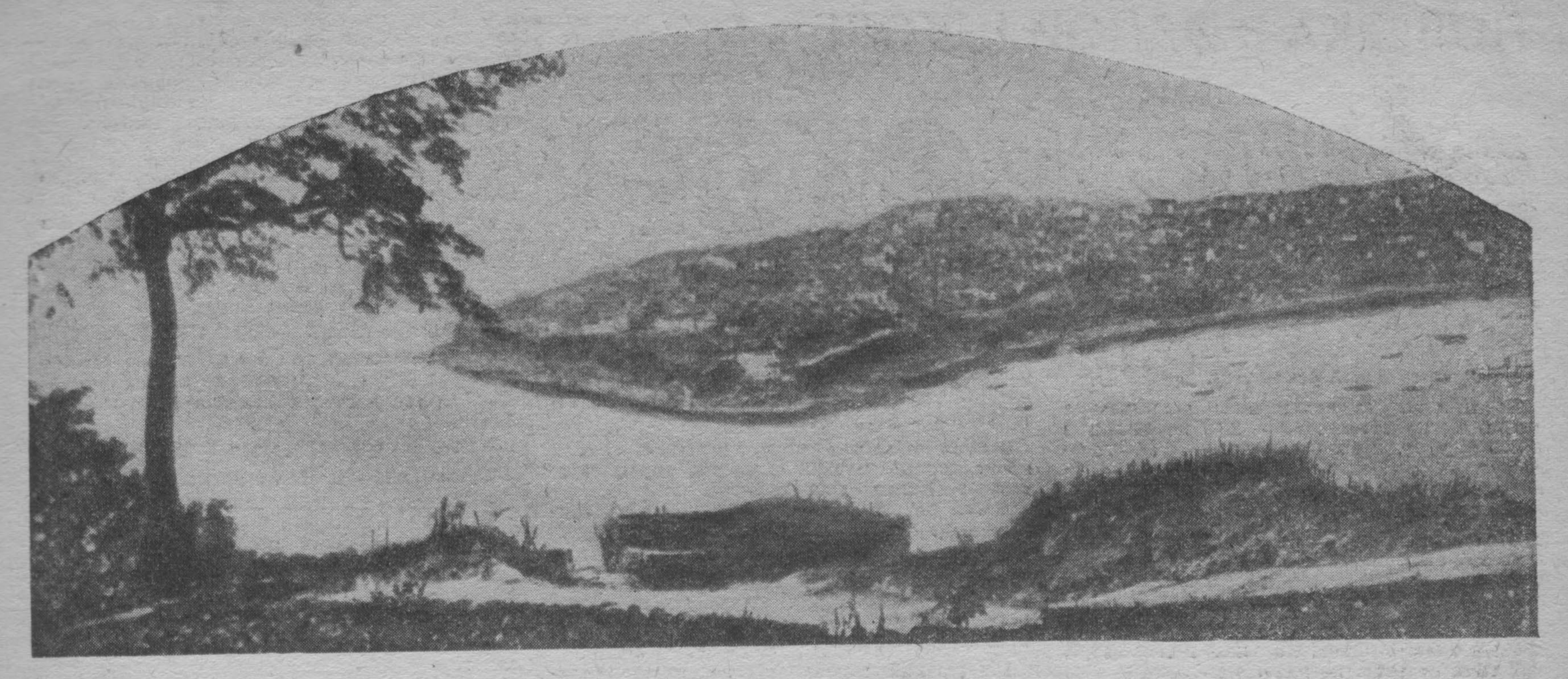
Инженеры, летчики, учителя, архитекторы, врачи приехали приветствовать свою учительницу. В числе приветствующих была пожилая колхозница, которая сказала:

«Всех детей моих выучила и на путь поставила. Старший — инженер на Урале. Второй — на доктора кончает. Младший — в пограничном отряде. Все твои ученики, Юлия Михайловна! Все тебе письма прислали... Я родная им мать, а ты — и того роднее...»

В прошлом году правительство наградило Юлию Михайловну Савельеву орденом Ленина.

Семидесятишестилетняя учительница, именем которой названа Казанская сельская школа, обучила свыше трех тысяч человек грамоте и по сей день продолжает свою плодотворную работу.

Семья, которую обучила Ю. М. Савельева (слева направо): Д. А. Конычев 60 лет, его жена Е. Д. Конычева 56 лет, сын С. Д. Конычев 25 лет, внучка Тоня 10 лет.



Ил. Эльвин

ЧУНЦИН

Там, где река Цзялин сливается с могучей Янцзы, на холмах расположен один из древнейших городов Китая — ныне его временная столица — Чунцин. Город быстро растет, и этот рост отражает огромные сдвиги, которые великая национально-освободительная борьба произвела в политической, культурной и экономической жизни китайского народа.

Первое упоминание о том, что здесь при слиянии двух рек находится селение, относится к эпохе полумифической династии Ся, примерно к 2200 году до нашей эры. В 375 году до нашей эры это селение входило в пределы так называемого царства Па. Несколько позже оно было обнесено стеной и преобразовано таким образом в город, называвшийся Чанчжоу — «Речной округ». Название Чунцин впервые всплывает в 1188 году нашей эры. В конце XIV столетия вокруг города была сооружена стена из крупного камня, сохранившаяся частично до наших дней. Стена эта, с 17 воротами, имела около 8 километров в окружности. В дальнейшем она подвергалась неоднократной реставрации.

Европейцы зачастили в Чунцин лишь в последнюю четверть прошлого века, — то были главным образом коммерсанты и миссионеры. В городе появились первые строения европейского типа. Однако численность европейской колонии в Чунцине никогда не превышала 200 человек.

Зажатый между двух рек, Чунцин в противоположность большинству китайских городов долгое время не выходил за пределы окружавшей его стены: по ту сторону ее расстилались главным образом обширные кладбища. Еще в восьмидесятых годах прошлого столетия английский путешественник Литтль писал, что в Восточной Сычуани мертвые занимают больше места нежели живые. В результате естественного прироста населения скученность в городе все возрастала, особенно в кварталах, населенных беднотой. Богатые занимали «Верхний город» — в западной и южной частях Чунцина, — застроенный преимущественно каменными домами. Хижины бедняков в «Нижнем городе» — в северной части Чунцина и вдоль затопляемых набережных — строились из бамбука, тростника, дерева.

Улицы и переулки беднейших кварталов всегда поражали своей теснотой и хаотическим нагромождением строений. Ширина кривых переулков колеблется от полутора до четырех с половиной метров. Старые торговые улички с их мелкими лавками и кустарными мастерскими несколько шире. Одним из злейших бичей этих кварталов нищеты всегда был огонь. Опустошительные пожары уносили сотни человеческих жизней, уничтожали тысячи домов, лишали крова десятки тысяч человек.

В конце двадцатых годов нынешнего столетия Чунцин начал преображаться: все отчетливее сказывалось влияние революционных событий и на этом, столь отдаленном от крупнейших центров китайского государства городе. Работники чунцинского муниципалитета составляли планы расширения улиц, возведения новых благоустроенных домов, сооружения электростанций для круглосуточного питания города электроэнергией, оборудования широкой телефонной сети и т. д. Но только с переездом в Чунцин китайского правительства город вступил в полосу подлинного преобразования. Он превратился в политический, культурный и экономический центр государства, ведущего героическую борьбу против японских захватчиков.

Чунцин, в один голос заявляют все иностранные наблюдатели, представляет собой сейчас большую строительную площадку, где днем и ночью кипит работа, воздвигаются новые многоэтажные здания, сооружается большая сеть газоубежищ, рассчитанных на сотни тысяч человек, расширяется сеть водопровода, прокладываются новые широкие улицы, шоссейные и железные дороги, соединяющие Чунцин с другими городами Китая и Французского Индокитая.

Однако несмотря на европеизацию Чунцина город сохраняет в своих новых строениях традиционные черты китайской архитектуры. Даже сейчас, все более ориентируясь на Запад, китайские архитекторы, пишет Спенсер, в «Geographical review», как правило, включают в свои постройки национальные архитектурные мотивы. Ширина новых улиц составляет обычно 12 — 18 метров. Эти модернизированные улицы заполнены всеми видами транспорта: от автомобилей, мотоциклов и телег до велосипедов и рикш включительно.

Чунцин стал средоточием многочисленных учебных заведений: здесь насчитывается 10 университетов и около 150 средних и иных учебных заведений. Здесь множество редакций газет, в частности органа компартии «Синьхуажибао» и ряда журналов и издательств, перекочевавших в своем большинстве из Ханькоу, Шанхая, Нанкина. В Чунцине несколько театров, кино и даже киностудия (в начале 1939 года эта киностудия выпустила фильм «Черная цикада» — первый китайский фильм, поставленный, по словам китайских газет, «без помощи и без помехи со стороны европейских и американских киноработников»), банковские предприятия, правительственные учреждения, иностранные посольства и миссии.

Но более всего отличает новый Чунцин от старого его быстрое индустриальное развитие. На базе богатых сычуанских месторождений угля и руды, до последнего времени не разрабатываемых, в Чунцине и его окрестностях бурно развивается промышленное строительство. Значительная часть фабрично-заводского оборудования предприятий, созданных в Чунцине (как и в других многочисленных пунктах Китая), вывезена китайцами во время эвакуации крупных городов, перед их оккупацией японцами. На пароходах, джонках, телегах, по железным дорогам, на своей спине, под огнем врага, нередко ценою жизни спасали китайские патриоты, рабочие и интеллигенты, крестьяне и мелкие кустари, мужчины и женщины, ценнейшее промышленное оборудование. Таким путем было эвакуировано и восстановлено 300 крупных промышленных предприятий, не считая мелких. Многое создано заново руками китайских рабочих, нередко вчерашних крестьян и батраков, быстро овладевающих техникой, проявляющих замечательную изобретательность, находчивость, инициативу, самоотверженность. Их руками и под наблюдением китайских инженеров в Чунцине и главным образом в его районе созданы металлургические, химические заводы, текстильные фабрики и т. д.

Большую роль в промышленном развитии Чунцина и индустриализации Китая в условиях национально-освободительной борьбы играет широко развернувшееся движение индустриальных кооперативов, сеть которых уже раскинулась по стране. Главный штаб этого промышленно-кооперативного движения, находящийся в Чунцине и непосредственно подчиненный исполнительному юаню (палате), разработал план создания 30 тысяч предприятий-мастерских. План этот быстро осуществляется.

Японская авиация подвергает частым бомбардировкам Чунцин, обрушивает на китайскую столицу тонны металла, видя в Чунцине одно из наиболее ярких проявлений нового, несгибаемого духа китайского народа. Однако налеты японской авиации на Чунцин проходят все менее безнаказанно для налетчиков. Они закаляют волю чунцинцев и всего Китая к борьбе против врага, до полного его разгрома.

Шалва Сослани

Зэна — ветер

Рассказ

Зноен разгульный зэна-ветер.

Он несется по колхидским равнинам с дальних гор Кавказского хребта, взмывая пыль с дорог, и воздухом, полным слепящего тумана, топчет землю, удушая суховейным дыханием зелень садов, трав и полей.

Деревья стонут, качаясь, словно причитают вдовы. Ветер обламывает ветки, сбивает с кустов синие, неспелые плоды и охапками уносит за ограду увядшие листья и пахучие лепестки цветов.

Солнце словно присохло к небу. Земля жаждет воды и покоя. Но покоя в зэна-ветре, как тени от зноя, не дано.

...Бежит по проселку собака. Хвост и лапы вкось. Дыбом шерсть.

К плетеному забору, у перелаза, прижался мальчик, растерявший на ветру гусей. Рукой он прикрыл глаза от слепящего ветра. Мальчик орет. Он зовет мать, но голос его словно залепило ветром.

По проселочной дороге мчится на коне против зэна всадник. Голова его туго обвязана башлыком, закрывающим уши и рот. Из-под длинных ресниц сверкают глаза. Концы башлыка, хвост и гриву коня высоко взметает ветер...

Всадник мчится не за водой.

Он не ищет покоя от ветра.

Пусть задержится зной над краем! Привычные для Колхиды дожди могут поднять болотные реки и, прорвав свежую дамбу осушительного канала, затопить цитрусовый совхоз.

Мальчик, завидев всадника, сразу перестал плакать. Он выбежал, шатаясь, на середину улицы и, ударив тутовой плетью по воздуху, гикнул вслед пролетавшему всаднику:

— Ачу, ачу! Хайт, марджа! Хайт...

Наскочивший порыв ветра опрокинул мальчика. Задрав ноги, мальчик весело завизжал. Он стал хохотать и хлопать в ладоши, охваченный радостью видения ветра, превращенного, словно чудом, во всадника.

К мальчику подскочила огромная дворовая собака — волкодав — и обнюхала место, где он упал. Мальчик встал и обнял шею собаки. Так они стояли на дороге, обнявшись и поддерживая друг друга, чтобы их не снесло ветром, и смотрели вслед всаднику, мчавшемуся в направлении совхоза «Золотое руно»...

* * *

Арсэн Гония на скаку остановил лошадь у ворот совхоза.

На арке была надпись по-колхидски, вырезанная из тонких светлокоричневых досок чинары:

«Золотое руно». Первый цитрусовый совхоз Колхиды».

Арку со всех сторон обдувало ветром, и буквы как бы нестройным хором пели.

Всадник оттянул конец башлыка со рта и крикнул, сложив ладони в рупор:

— Э-эй!

Из-за калитки показался сторож с винтовкой через плечо, тоже в башлыке. Он распахнул дверцы ворот, и всадник галопом въехал в усадьбу совхоза.

Соскочив, он передал повода лошади сторожу и, согнув голову против ветра, ушел неровными шагами по песчаной дороге, обсаженной рядами размятых ветром кустов казанлыкских роз.

Сторож облегчил подпруги коня и стал прогуливать его взад и вперед перед воротами, защищающими от ветра.

Арсэн подошел к открытой площадке, огороженной низким частоколом.

Здесь разместилась метеорологическая площадка совхоза. Арсэн взглянул на длинную железную вышку, определяющую движение облаков. Ветер с бешенством рвал металлический флюгер на ее верхушке.

На шаткой деревянной подставке метеобудки стояла Ксанду. Прижав к груди сверкающие метеорологические приборы, девушка старалась зацепить зубами крючок, чтоб распахнуть решотчатую дверцу будки.

Ветер взбивал ее густые пепельно-золотистые волосы, вздувал легкую юбку, захлестывая ее вокруг столба.

Она раскрыла дверцу, осторожно расставила приборы в будке и вытащила из нее английский термометр, похожий на клюв аиста.

Арсэн окликнул девушку, но голос его растаял у рта.

Ксанду зажала вздувшееся платье коленями и прижалась грудью к столбу будки, словно дятел к стволу.

Гония стал в выжидательной позе у калитки.

Ксанду, высчитав по термометру уровень температуры воздуха, торопливо занесла цифру карандашом в тетрадь метеорологических сводок. Один за другим она вытащила максимальный и минимальный термометры, делая пометки в той же тетради, осторожно расставила их по полочкам своих стеклянных агентов, бережно прикрыла за ними крашеную, решотчатую дверцу и сошла по ступенькам на землю. Придержав растрепавшиеся волосы, она посмотрела на будку. Затем девушка заложила за блузку свернутую трубкой тетрадь и, захватив руками юбку, перешла к вышке облаков.

— Ксанду! — позвал ее Арсэн.

Девушка остановилась.

— Ксанду, это я! — крикнул ей в рупор ладоней Арсэн.

Она повернула голову, увидела у калитки мужчину и стала торопливо оправлять платье. Гония стянул с лица туго завязанный башлык.

— Арсэн! — вспыхнув, воскликнула Ксанду и побежала к калитке.

— Здравствуй, Ксанду! Я тебе не помешаю... У меня к тебе дело... — он улыбнулся.

— Здравствуй... Ты разве... Ты за сводками? — растерянно спросила Ксанду, задержав свою руку в широкой ладони Арсэна.

— Нам сообщили со станции, что дождя не предвидится дней пять. Так ли?

— Сводку давала я. Но сегодняшний ветер может резко изменить погоду...

— Да, проклятый зэна! — с сокрушением произнес Арсэн, глянув на мечущийся флюгер.

Ветер закружился вокруг столба и вихрем налетел на них.

Ксанду, вскрикнув, схватилась за рукав Арсэна: порывом их столкнуло. Они на мгновение подержали друг друга в объятиях, но девушка, словно одумавшись, быстро отшатнулась от него.

Оба помолчали, переводя учащенное дыхание.

— Ксанду! — Арсэн протянул к ней руку. — Скажи мне...

Ветер промчал мимо них охапку листьев и лепестков.

— Арсэн, что я могу сказать в зэна? — еле слышно проговорила девушка.

— Нужно, чтобы погода держалась еще денька два... Пусть ветер, но не дождь! — крикнул Арсэн в шуме ветра.

— Как мне быть?.. — сказала Ксанду.

Она сказала это как бы одним движением плеч.

— Ты же наш завоблаками! — воскликнул Арсэн.

— Что я могу поделать с ветром?

Ксанду кинула взгляд на небо.

— Ксанду, ты наш завоблаками, — повторил он.

Девушка покачала головой.

— Мы взорвали прогал! — снова крикнул Арсэн. — Взорвали! Ты понимаешь, Ксанду? Теперь приходится закреплять дамбу...

— Мы с дедом слышали взрыв. Все слышали, в саду...

— Держи связь покрепче с облаками! Облаков не пропускай к нам...

Ксанду улыбнулась. И ветер на мгновение словно стих. Он как бы улегся у их ног, и Ксанду с Арсэном, неожиданно сорвавшись с мест, снова столкнулись. Арсэн схватил ее за локти, желая удержать девушку в объятьях. Ксанду ощутила его горячее дыхание у своей шеи, испуганно заметалась, и они с силой оторвались друг от друга.

Девушка стала в отдалении, держась рукой за столбик калитки и сердито сомкнув брови.

— В старину дед Лука был лучшим барометром на селе, — сказал вкрадчиво Арсэн.

— Дедушка меня учил в детстве, как угадывать погоду...

Гония положил ладонь на ее руку, лежащую, как цепкая птичья лапка на кончике ровно выструганного столба.

— А ты можешь сказать, какая погода стоит сейчас у меня в сердце?

Девушка осторожно высвободила свою руку из-под широкой ладони Арсэна:

— Могу.

Гония с замешательством взглянул на нее. Он шагнул к калитке. Девушка стояла совсем близко, касаясь плечом его плеча.

— Скажи, — повторил он.

Ксанду подняла голову и долгим-долгим взглядом заглянула ему в глаза.

— Барометр... указывает.... на ясно... Ясно? — шепнула она.

— Ясно, — сказал Арсэн.

Ветер, закружившись у калитки, рванулся вверх, как бы расталкивая в стороны стоящих около него людей.

Девушка схватилась за грудь. Она нащупала под кофтой свернутую тетрадь и побежала к будке.

— Ксанду! — закричал Арсэн, протянув руки, но ветер с силой толкнул его в грудь.

Юноша повернулся, и ветер, обняв его за плечи, увлек за собой.

Арсэн бежал как пьяный, отдаваясь порыву ветра. У ворот он оглянулся, взмахнул рукой и крикнул имя девушки. Зэна разнес имя по всему саду.

Арсэн сделал еще несколько порывистых шагов вместе с ветром и сразмаху ухватился за ствол магнолии, стоящей у ворот. Он обнял его обеими руками и приник головой к стволу...

Буквы из досок чинары на арке ворот, обдуваемой ветром, как бы стройным хором пели:

— Ясно... Яс... Ксанду-у-у!!!

ДЖАНГАР

Иллюстрации худ. Фаворского



«Джангар» — великое поэтическое творение калмыцкого народа. Эта грандиозная эпическая поэма была создана 500 лет назад, но ее строфы и сегодня продолжают вдохновлять людей.

В эпопее воспеваются подвиги легендарного хана Джангра и его двенадцати богатырей. Богатыри совершают подвиги во славу своей родины — благословенной Бумбы. Бумба — особенная страна: люди в ней после двадцати пяти лет не старятся, никогда не умирают, живут в довольстве и изобилии, «ничего не деля на мое и твое».

Но и не только люди: животные, птицы, растения — не знают в стране Бумба смерти и увядания. Там нет ни зимних стуж, ни дождливой осени, ни изнурительного летнего зноя: это страна вечной весны, вечной жизни.

Богатырям «Джангра» приходится защищать свою отчизну от нашествия мангасов — многоголовых чудовищ — и шулмусов — «жителей седьмой преисподней». Доблестные воины Бумбы разбивают своих бесчисленных врагов и освобождают народы от мангасского ига...

Калмыцкий народ, угнетаемый сначала богдыханами Китая, а потом белыми самодержцами, живший в невероятной нищете, обреченный на вымирание, в темных и дымных войлочных кибитках творил эту мечту о стране вечной молодости, свободы и изобилия.

Основная идея «Джангра» — идея единения народа, идея патриотизма. Она особенно ярко выражена в замечательной клятве богатырей.

Нет калмыка, который не знал бы хотя бы небольшого отрывка из своей любимой эпопеи.

По свидетельству многих ученых и путешественников, «Джангариада» распространена и среди калмыков, живущих в Синьцзяне, в Кобдоском округе Монгольской народной республики, в Танну-Туве.

«Джангариада» — цикл песен, вполне самостоятельных, объединенных общими героями. Она покоряет читателя могуществом фантазии, языком точным и поэтичным, образным, но не цветистым; ароматом степей и горных пастбищ дышит этот язык.

Очень сложна сюжетная ткань эпоса. Его автор, калмыцкий народ, — не только вдохновенный поэт, но и оригинальный рассказчик.

«Джангариаду», — писал еще в 1923 году покойный академик Б. Я. Владимирцев, — надо признать удивительной выразительницей народного духа, стремлений народа, его чаяний... Она является действительно национальной поэмой».

Эти стремления народа и его вековые чаяния сбылись вместе с Великой Октябрьской социалистической революцией.

И недаром народные певцы, исполняющие «Джангра» на колхозных праздненствах, начинают свои выступления с того, что Советская страна — именно та страна Бумба, о которой веками мечтал калмыцкий народ.

КЛЯТВА БОГАТЫРЕЙ

Слева сидящих богатырей полукруг
Славу нойону [1] и храбрым сынам воздал.
Справа сидящих богатырей полукруг
Честь Аранзалу [2] и всем скакунам воздал.
Превознесли и ханшу-супругу бойцы,
Крепкую клятву дали друг другу бойцы:

«Жизни свои острию копья предадим,
Мысли свои державе родной посвятим.

Да отрешимся от зависти, от похвальбы,
От затаенных измен, от вражды, от алчбы;

Груди свои обнажим и вынем сердца
И за народ отдадим свою кровь до конца;

Верными Джангру, едиными будем вовек
И на земле будем жить, как один человек;

Да никогда богатырь не кинется вспять,
Вражью завидев неисчислимую рать;

И да не будет коня у него, чтоб не мог
Вихрем взлететь на самый высокий отрог;

Да никогда никому бы страшна не была
Сила железа, каленого добела;

И да не будет страшна никому, никогда
Рассвирепевшего океана вода;

И да не сыщется никогда силача,
Что убоялся бы ледяного меча;

И да пребудем бойцами правдивыми мы,
И да пребудем всегда справедливыми мы;

Да не содеем поступка, другому во вред,
Трех избежим чудовищ, трех страшных бед;

Выполним клятву, чтоб совершенства достичь,
Высшего, светлого круга блаженства достичь».

Так повторяли, полны отваги святой,
Заповеди великой присяги святой.
От изобилья арзы [3] и дыханья весны
Сваливались великаны в темные сны,
Спали тогда, не на ложах покоясь, они:
Друг другу на ноги голову положив,
Образовали железный пояс они...

Перевод СЕМЕНА ЛИПКИНА

[1] Нойон — князь, титул Джангра.
[2] Аранзал — необыкновенный, легендарный конь.
[3] Арза — дважды перегнанный кумыс, национальный напиток.



НОЧЬЮ в МЕТРО

Фотоочерк Э. Евзерихина и М. Маркова

Двенадцать раз пробили часы на Спасской башне Кремля. Скоро начнет засыпать столица. Впрочем, и ночью ни на одну минуту не замедляет своей жизни Москва. Работают фабрики и заводы. Уходят и приходят поезда. Напряженной жизнью живет ночью и московский метрополитен. Скоро час. Широкие лестницы метро днем переполнены густым потоком людей. Но сейчас по ним свободно поднимаются редкие пассажиры. В час ночи уходит последний поезд. Он мчится под опустевшими улицами и площадями, яркими и пестрыми от обилия огней.



Утром пассажиры займут места в опрятном вагоне, старательно убранном, посвежевшем за ночь. Огни нарядного поезда повторятся в промытых до блеска стенах станции «Дворец Советов».

Ночью на станции приходят маляры. Ни одного темного пятна не должно остаться на белом потолке! Умывается и скульптура физкультурника, установленная на станции метро «Площадь Свердлова». Ночью московский метрополитен готовится к стремительному утру великого города.

Ю. Нейман

БЕССМЕРТНЫЕ ТРАДИЦИИ

Начиналось представление, первое представление новорожденного Александринского театра. Афиши оповещали, что 31 августа 1832 года в здании нового театра «российские придворные актеры» представят трагедию Крюковского «Пожарской», а также балетный дивертисмент «Испанский праздник».

На сцене звучали стихи, трескучие, высокопарные даже для уха тогдашних зрителей. Пьеса была тяжеловесным, ремесленным изделием, одной из тех слабых имитаций классической трагедии, которые наводняли репертуар театра николаевских времен. Но дурные стихи становились окрыленными, монологи приобретали значительность и величавую красоту. Их произносил Василий Андреевич Каратыгин.

Каратыгин! Имя, говорящее о мастерстве законченном и великолепном, эра, эпоха русской сцены. Это имя с восторгом произносил и великосветский любитель театрального искусства, порой изменяющий французскому Михайловскому театру для демократической «Александринки», и крикливый посетитель «райка», днем торгующий в Гостином ряду. Белинский, влюбленный в могучий и неровный гений Мочалова, с восхищением и признательностью называет Каратыгина художником, «в высшей степени постигшим внешнюю сторону мастерства».

Трагедии типа «Пожарского» или пресловутой «Руки всевышнего, спасшей отечество и «давшей ход» Кукольнику, должны были способствовать моральному воспитанию зрителей. Целям чисто развлекательным служил водевиль.

Водевиль — колыбель сценического реализма. Это кажется парадоксом лишь на первый взгляд. В сущности, водевиль соприкасался с бытом значительно чаще чем кукольникова трагедия. Действующие лица многих водевилей — русские люди, хотя бы по именам и костюмам, — крестьяне, мелкие чиновники. Мартынов наполнил эти, едва намеченные образы живым содержанием. Буффонадная роль маленького чиновника стала трагикомической, в ней зазвучали грустные ноты. Мартынов совершил на петербургской сцене то, что сделал в литературе автор «Шинели».

Если Каратыгин достиг совершенства во внешнем, пластическом воплощении образа, то Мартынов проник в его глубину. На сцену, где действовали герои в котурнах, вошел скромный человек и заговорил обыкновенным, задушевным голосом. Каратыгин даже в бытовой роли умудрялся оставаться героем классической трагедии. Кого бы ни изображал Мартынов, образ, создаваемый им, был неизменно согрет сочувствием и глубоким пониманием человека и человеческого.

Мартынов был первым замечательным создателем образов Островского в петербургском театре.

Два образа стоят у истоков истории петербургского театра — величественный герой, мастер трагического жеста, и маленький человек с глазами проникновенными и печальными. Две традиции, две дополняющие друг друга струи питают творчество актеров-александринцев: академический романтизм Каратыгина и реализм Мартынова. Как бы ни переплетались и не видоизменялись эти две струи, присутствие их ощутимо на протяжении всей истории театра, ощутимо оно и по сегодня.

В кровном творческом родстве с Мартыновым состояла вся блестящая плеяда актрис прошлого поколения: «чародейка» Савина, умевшая заново открыть образ



В. А. Каратыгин в роли Гамлета.

даже для автора, не подозревавшего всех возможностей, скрытых в его создании, Стрельская, Стрепетова, поражавшая вдохновенностью и человечностью своей игры. Мартыновский реализм вспоил непосредственнейшего и простодушнейшего Варламова, чье могучее дарование почти не нуждалось в шлифовке, и Давыдова, поражавшего точной и глубоко продуманной отделкой мельчайших деталей роли.

Каратыгинскую традицию, видоизменив ее и переработав, воскрешал в театре романтический актер Далматов. Ее донес до наших дней замечательный художник, тонкий воплотитель высоких страстей народный артист СССР Ю. М. Юрьев, этот единственный и неподражаемый Арбенин лермонтовского «Маскарада».

Художественный руководитель театра имени А. С. Пушкина Л. Вивьен по праву называет «Маскарад» одним из самых замечательных достижений александринцев на путях борьбы за романтическое театральное искусство, искусство больших страстей. При жизни Лермонтова пьеса никак не могла прорваться на сцену, даже в искаженном до неузнаваемости виде. «Души непобедимый жар и дикой страсти пыл мятежный» пришлись не по нутру Дубельту и Бенкендорфу. Подлинное сценическое воплощение «Маскарад» получил лишь после революции. Театр имени Пушкина создал красочный и темпераментный спектакль, где на фоне великолепных декораций Головина и музыки Глазунова игра Ю. М. Юрьева и Е. И. Тиме (баронесса Штраль) засверкала новым блеском. «Маскарад» — это мост, связующий старый Александринский с новым театром имени Пушкина, спектакль, воскрешающий традиции романтического прошлого и намечающий один из путей вперед.

Революция поставила перед театром новые ответственные задачи. Надлежало пересмотреть наследие прошлого, заветы старых александринцев, отобрать настоящее, живое, творческое, отбросить то, что стало не традицией, но обветшавшей рутиной. Следовало найти новый метод постановки классиков, с тем чтобы, не нарушая сценического реализма, приблизить их к современности. Следовало творчески освоить новый, советский репертуар. И, наконец, нужно было добиться того, чего не хватало старому Александринскому театру, театру великих актеров, для которых пьеса была подчас лишь маловажным фоном для роли, — достичь целостности спектакля, гармонии между всеми исполнителями, — словом, того, что называется ансамблем.

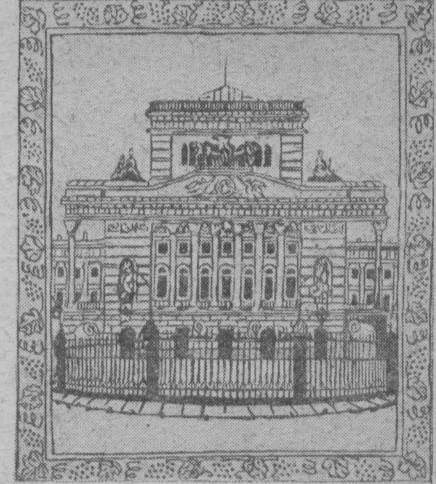
Театр имени Пушкина мужественно вступил на путь поисков единого художественного метода. Четыре спектакля, показанные в Москве в дни декады театрального и музыкального искусства Ленинграда, свидетельствуют, что эти поиски оказались плодотворными.

«Лес» Островского в постановке режиссера В. Кожича — спектакль глубоко реалистический. Режиссер стремился показать Островского в связи с общей культурой современной ему эпохи; этому замыслу подчинены и декорации, написанные А. Константиновским и С. Товбиным в манере художников-передвижников. Однако «Лес» — не музейный спектакль: он живет, он волнует по-настоящему, находя горячий отклик в душе зрителя.

Спектакль этот замечателен тем, что в нем встречаются представители трех актерских поколений. Опыт оказался чрезвычайно удачным: спектакль художественно целен при удивительной глубине и многообразии.

Ю. М. Юрьев и Б. А. Горин-Горяйнов — Несчастливцев и Аркашка Счастливцев... Сдержанно и отчетливо рисует Юрьев образ благородного трагика, который и в жизни остается актером в лучшем смысле этого слова, для которого не жизнь стала игрой, а игра — жизнью, ибо шиллеровские слова глубоко созвучны его бескорыстной душе. Аркашка — погибшее существо, Аркашка — жалкое подобие актера. Но и у него есть в душе святыня, и потому он живой человек, даже в падении своем более высокий чем гурмыжские, булановы и другие «совы» дремучего леса. Человеческое в Аркашке нежно и любовно показывает чудесный актер Горин-Горяйнов. Так бок о бок с романтической традицией воскресают заветы великого Мартынова, неизменно стремившегося найти в смешном грустное, вызвать у зрителя сочувствие к человеку.

Актеры этого типа — точно «защитники» создаваемых образов,



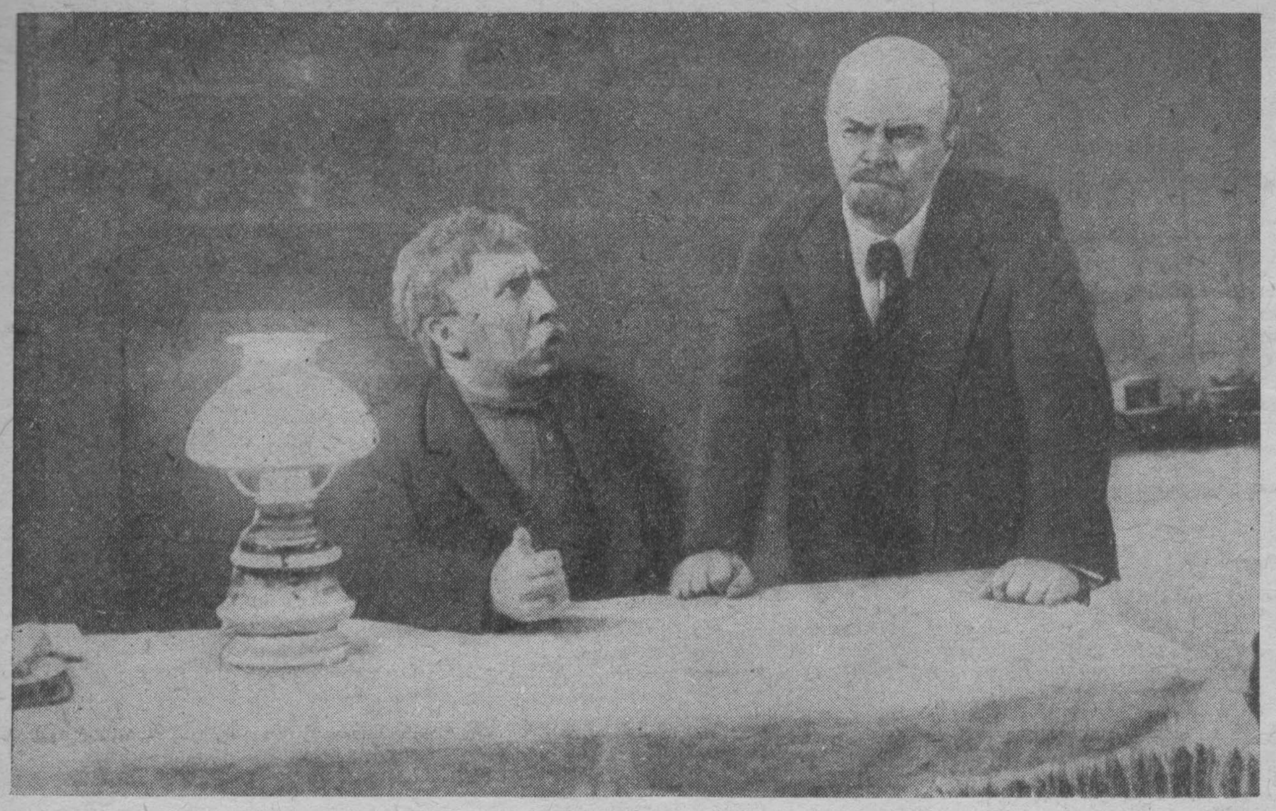
Александринский театр в 1832 году.
Старинная гравюра.

всеми методами художественной правды (и в непременном согласии с ней!) объясняющие, оправдывающие поступки своих «подзащитных». Характерен штрих из биографии народной артистки СССР Е. П. Корчагиной-Александровской, художника огромной проницательности и теплоты. Посмотрев в московской студии Симонова «Таланты и поклонники» и восхитившись свежестью спектакля, Корчагина-Александровская тут же отмечает неверное толкование молодой актрисой роли Домны Пантелеевны. Молодая актриса изображала ее сводней, торгующей дочерью. Корчагина-Александровская трактует эту роль иначе: для нее Домна Пантелеевна — не палач, но жертва, несчастная женщина, вынужденная подчиняться условиям среды. Верна себе Корчагина-Александровская и в «Лесе»: даже в образе отвратительной Улиты сумела она выделить черточки, указывающие на жалкость, приниженность, на горькую женскую судьбу.

В старом Александринском театре существовала еще одна замечательная традиция, ведущая начало от актера Самойлова, поражавшего точной наблюдательностью и филигранной отделкой роли. Эту традицию продолжает на сцене театра имени Пушкина потомок «династии Самойловых» — народная артистка СССР В. А. Мичурина-Самойлова. Образ помещицы Гурмыжской построен актрисой по законам неумолимой логики: в каждой интонации, в каждом движении зритель ощущает характер женщины лицемерной и жестокой, каждая черточка — талантливая находка и плод глубоких наблюдений и тщательного художественного отбора.

Представители молодого поколения в «Лесе» Н. Рашевская (Аксюша) и А. Борисов (Петр) ведут свои роли тепло, лирически, хотя, быть может, без достаточного богатства оттенков. Образ Петра весь построен на песне, и зритель понимает, что именно таков Петр в восприятии Аксюши, за это он и мил ее сердцу.

Два молодых александринца известны всему Союзу — Николай Черкасов и Николай Симонов. Кто не знает чудесных образов профессора Полежаева, Александра Невского, созданных Черкасовым?! Кому не знаком правдивый образ Петра, вылепленный Симоновым?! Традициям реализма верен Симонов и на сцене театра. Одно из лучших достижений ар-



Сцена из I акта пьесы А. Каплера и Т. Златогоровой «Ленин». В роли В. И. Ленина заслуженный артист РСФСР К. В. Скоробогатов; Коробов — артист Г. Н. Осипенко.

тиста — образ графа де Ризоора, героя пьесы Сарду «Фландрия».

«Фландрия» занимает в репертуаре театра особое место. Сыгранная в 1892 году Московским Малым, пьеса Сарду стала одним из излюбленных спектаклей провинциальных театров, низведших ее на уровень сентиментальной мелодрамы. Театр имени Пушкина стремится подчеркнуть идейную сторону пьесы, приблизить спектакль к Шекспиру. Работая над «Фландрией», режиссер Л. С. Вивьен и весь коллектив хотели подчеркнуть центральную идею пьесы — любовь к родине, — добивались искренности страстей и чувств, исторической правды, исключающей вульгарный социологизм.

Волнующая простота и искренность игры Симонова как нельзя больше отвечают этим целям.

На пути творческого освоения новой тематики коллективом создан прекрасный спектакль «Ленин» (авторы пьесы — А. Каплер и Т. Златогорова). Сознавая глубину и ответственность взятой задачи, театр подготавливался к ней постепенно. Одной из ступеней подготовительных работ была постановка пьесы К. Тренева «На берегах Невы», где Ленин появляется только в двух эпизодах.

Упорная работа увенчалась удачей. К. Скоробогатов — исполнитель роли Владимира Ильича в пьесе «Ленин» — смело может быть поставлен рядом со Щукиным. Образ вождя, созданный им, овеян исключительной человечностью и теплотой.

В роли Горького зритель встречается со своим любимцем — Н. Черкасовым. Образ гениального писателя, достаточно яркий на экране, еще глубже и тоньше разработан артистом в театре. Замечательна в пьесе и Корчагина-Александровская в маленькой, эпизодической роли Екатерины Ивановны.

Спектакль «Ленин» говорит не только о серьезнейшей работе, проделанной театром имени Пушкина: он свидетельствует об огромных возможностях театра, которым еще предстоит раскрыться.

...Старый александринец артист Далматов не признавал вопроса о количестве лет. Он утверждал, что существует только два возраста: молодость и старость. За плечами театра имени Пушкина более века. Но возраст его следует измерять не пройденным, а будущим — тем путем, который ему еще предстоит пройти.

В радостные, знаменательные дни ленинградской декады Государственный ордена Трудового красного знамени академический театр драмы имени А. С. Пушкина показал, что ему по праву принадлежит одно из первых мест в борьбе за высокое искусство социалистического реализма.

Сцена из IV акта комедии А. Островского «Лес». Улита — народная артистка СССР Е. П. Корчагина-Александровская; Аркашка — народный артист РСФСР Б. А. Горин-Горяйнов.



Сцена из III картины драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». Арбенин — народный артист СССР Ю. М. Юрьев, Нина — заслуженная артистка РСФСР Е. М. Вольф-Израэль.

Новое В НАУКЕ И ТЕХНИКЕ

МОСТЫ ЧЕРЕЗ МОРСКИЕ ПРОЛИВЫ. Часть территории Дании состоит из островов, отделенных один от другого проливами: Большим и Малым Бельтом, Эресундом, Сторстремом и другими. Наличие паромов только для перевозки железнодорожных составов представляло значительные затруднения, особенно для автомобильного транспорта. Поэтому было предпринято строительство мостов через проливы и связанных с ними специальных автомобильных дорог. Строительство финансировали английские банки и английские мостостроительные фирмы. На фоне происходящих событий это финансирование получает новое освещение: оно свидетельствует о том, что Англия уже несколько лет назад рассматривала скандинавские страны как плацдарм будущей войны против Германии и искала наиболее удобных путей для нанесения удара с севера.

Недавно закончено строительство моста через Сторстрем между островами Фальстер и Маснедо. Это величайший мост в Европе. Его длина равна 3211 метрам. Он состоит из 50 пролетов, из которых 3 центральных предназначены для прохода под ними морских судов. Наибольший из этих пролетов имеет в длину 136,5 метра. Над уровнем воды он возвышается на 26 метров.

Строительство моста, предназначенного для железнодорожного, автомобильного, велосипедного и пешеходного движения, представляло большой технический интерес, в частности вследствие применения особых плавучих строительных станций. Специально построенный, самый большой в мире плавучий кран, грузоподъемностью в 500 тонн, сразу устанавливал на устой фермы, собранные на площадке.

Через небольшой пролив между островами Маснедо и Зеландия, на котором расположена столица Дании — Копенгаген,— также построен мост длиной в 225 метров.

Мост через Малый Бельт, соединяющий Ютландию и Фюнен, был открыт для движения еще в 1935 году. Он возвышается над уровнем моря на 32 метра. Общая длина моста—1200 метров.

До начала второй империалистической войны были готовы проекты еще двух гигантских мостов — через Большой Бельт, протяжением около 17,5 километра, между Ниборгом и Корсером, и два варианта моста через Эресунд, между Данией и Швецией. Первый

(Продолжение на следующей странице).

Леонид Гап

ЭНЕРГИЯ ГОЛУБОГО УГЛЯ

Это случилось 24 марта 1878 года в Англии[1].

На берегу моря встречали возвращающийся из плавания фрегат «Эвридик». Корабль уже показался на горизонте и с каждой минутой вырисовывался все яснее и яснее. До берега оставалось каких-нибудь два—три километра. Вдруг налетел ужасающий шквал со снегом, который закрыл весь горизонт. День превратился в ночь. Сила ветра была так велика, что валила с ног людей на пристани. Море закипело огромными валами. Шквал продолжался минут пять. Когда все прояснилось... от фрегата не осталось никаких следов: он был опрокинут и моментально затонул. Никто из команды не спасся. Оцепеневшая от ужаса толпа тщетно всматривалась в море—там было пусто, лишь ходили огромные валы...

История метеорологии сохранила немало записей о страшных бурях, шквалах, ураганах.

Необычайной силы смерч пронесся над Москвой в июне 1904 года. Вот как описывают его в журнале «Нива» за тот же год:

«16 июня в исходе 5-го часа дня над Москвой пронесся страшный ураган с грозой и градом. На юго-восточном небосклоне показалась громадная, черно-багровая, седеющая по бокам туча. Она со стремительной быстротой неслась, касаясь земли и переливая всеми цветами радуги. Туча неслась под грохот грома и вырывала с корнем многолетние деревья, выворачивала громадные камни, срывала точно листы и былинки железные крыши с домов, тяжеловесные вывески. Превращала в щепы телеграфные столбы и разрушала целые здания, убивая и уродуя на своем пути людей и животных...

...Обширная Анненгофская роща вся уничтожена и раскидана щепами по окрестностям. В роще на опушке леса паслось стадо. Двух коров из стада вихрь поднял на воздух, вертел некоторое время («коровы летали») и затем бросил в нескольких саженях в сторону, они убиты...

...Ураган разрушил до основания деревню Чачино и другие. Крыши носились по воздуху, совершая перелеты по нескольку десятков сажен...

...На железнодорожном переезде (Курская ж. д.) будка была поднята вместе с бывшим в ней железнодорожным стрелочником. Пролетев около 50 шагов по воздуху, будка разбилась о мостовую...

...Большинство крестьян осталось без крова и домашнего скота. Где ни пойди, — везде валяются трупы животных...»

С незапамятных времен ветры и бури представлялись человеку как враждебные и разрушительные силы природы. Пришли новые люди и своей мудростью, волей и правдой заставили человечество другими глазами, по-новому увидеть и познать мир, жизнь и природу.

И «мир, который был нам до сих пор так чужд, природа, скрытые силы которой пугали нас, как страшные привидения,—как родственны, как близки стали они нам теперь. Природа раскрывается перед нами...» — так писал Ф. Энгельс, говоря о преодолении фетишизма новым миросозерцанием.

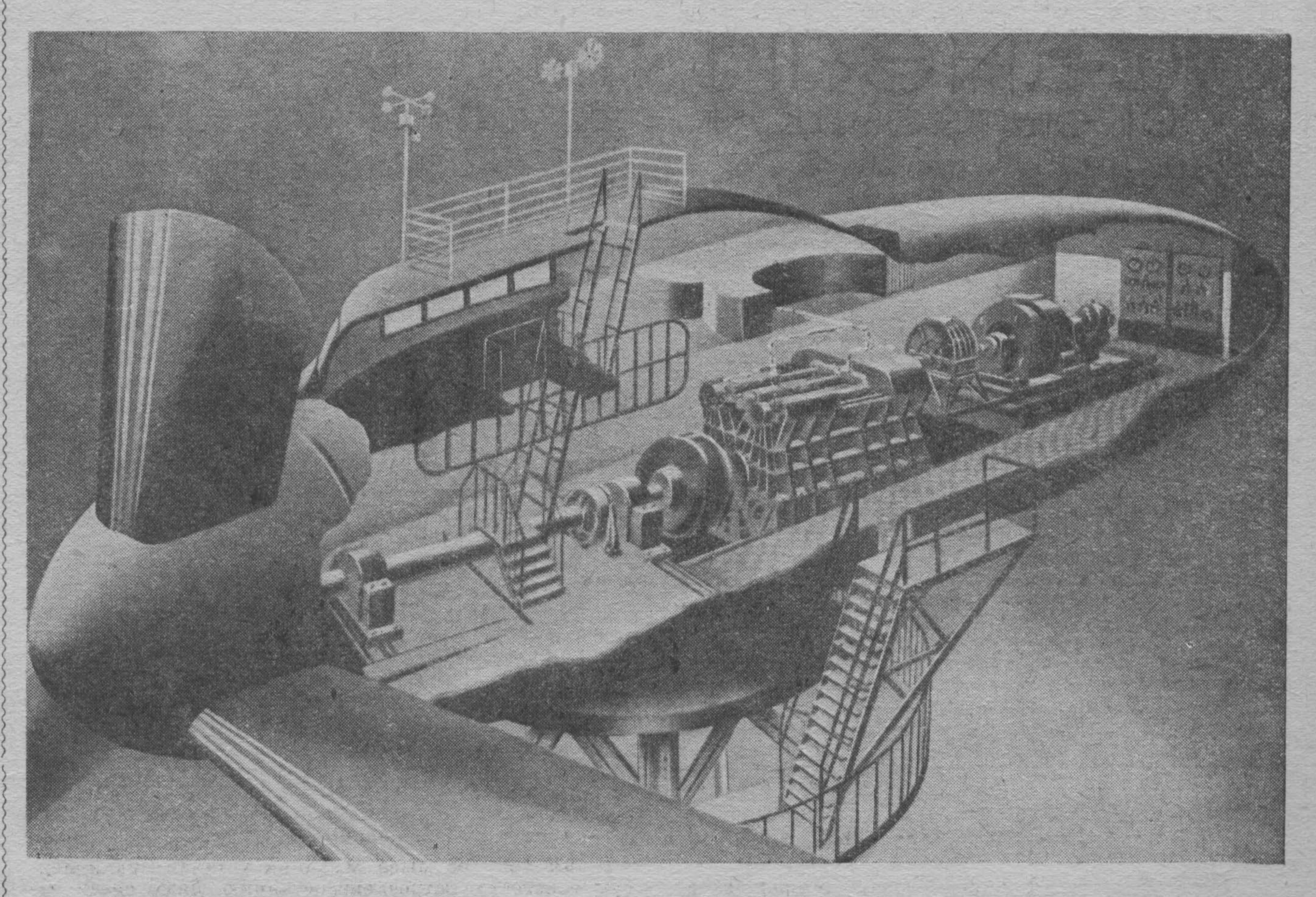
Только в условиях социализма, когда массы освобождены от капиталистического рабства, когда массы приобщаются к вершинам науки, когда общество освобождено от власти частной капиталистической собственности и от прикрывающего общественные отношения фетишизма товаров (власть вещей), — только в этих социалистических условиях человечество смогло пойти на штурм враждебных сил природы, мешавших строить новую, счастливую жизнь.

Большевистская воля и социалистическая наука обуздали железобетонными удилами плотин стремительный бег полноводных, могучих рек. На их берегах воздвигаются мощные гидростанции, дающие стране миллионы киловатт электрической энергии.

Покорив воду, большевики решили заставить служить себе и другую, еще более могучую стихию — ветер.

Дует в Туркестане горячий «афганец». Несет едкую, горькую пыль. Она слепит глаза, сжимает сухое горло. Страшен «афганец»! От его дыхания умирают листья и травы.

[1] Случай приведен в немецком учебнике «Метеорология» Ганса и Дюринга.



...Там, где ветер перерабатывается в электроэнергию (внутренний вид кабины ветростанции).

Осенью над Новороссийском свирепствует ледяная, стремительная «бора». Температура резко падает. Прибрежный мол и корабли в порту быстро покрываются толстой ледяной коркой. От ледяного дыхания корабли бегут в открытое море. В порту оставаться нельзя. Ветер кидает тяжелые судна, как детские бумажные кораблики. И не одно судно было разбито в порту «борой». Ледяной дождь, гонимый ветром, с такой силой бьет в стены домов, что разрушает их.

Защищая дома от «боры», люди одевают их в броню листового железа.

По нескольку суток, не ослабевая, дует «бакинский норд».

На десятки метров подымает вверх водяные массивы страшная байкальская «сарма». О ней с ужасом говорят на Байкале.

И большевики решили не только обезвредить, но и заставить служить человеку эти страшные силы природы.

На безбрежные ледяные просторы Севера, на вершины снеговых гор, на берега морей, рек и озер, в горячие пески пустынь, в города и села советская наука послала десятки тысяч своих разведчиков-метеорологов и гидрологов. Они зорко следят за появлением врага — бури, они предугадывают ее зарождение...

А враг, о котором знаешь, уже нестрашен.

На пути постоянно дующих ветров встают высокие стены зеленых насаждений. Уже обессиленной, прорвется сквозь них буря.

В единоборство со страшным волжским суховеем скоро вступит наш народный богатырь, имя которому «Куйбышевский гидроузел». Воды Большой Волги потушат губительное, огненное дыхание этого змея-горыныча, веками сжигавшего сотни и тысячи гектаров посевов.

Но еще бо́льших успехов добилась наша страна в использовании энергии ветра.

Осуществляется мечта человека — заставить ветер работать на него.

Ветряные мельницы существовали уже много веков назад в Китае и древнем Египте, отсюда они и распространились по Европе. К слову, российские ветряные мельницы мало чем отличаются от своих египетских прародителей.

Примерно до 1918 года несмотря на попытки многих мировых ученых проблема широкого использования энергии ветра не была разрешена. Это объясняется специфическими свойствами ветра:

ветер дует не постоянно, а порывами,
сила ветра неодинакова.

Следовательно, чтобы использовать энергию ветра не только для простых хозяйственных работ (помол зерна, подача воды и т. п.), но и для освещения, движения машин, нужно было эту энергию **выровнять и аккумулировать**, чтобы подача ее не прекращалась в промежутках от одного порыва до другого.

Эти задачи первым разрешил наш советский изобретатель — ветроэнергетик Анатолий Георгиевич Уфимцев [1].

Он сконструировал инерционно-кинетический аккумулятор, который не только выравнивал непостоянную энергию ветра, но и запасал ее на десятки минут между двумя порывами ветра.

Изобретения талантливого самоучки и замечательные работы советских ученых: профессоров Сабинина и Красовского, конструкторов Уткина, Егорова, Шаманина, Перли и других — разрушили основные преграды, стоявшие на пути развития ветроэнергетики. В отличие от иностранных ученых, строящих ветростанции в помощь тепло- или гидростанциям, советские ученые разработали и построили такие станции, которые являются основным источником энергии.

От бескрайних ледяных просторов Севера до вечнозеленых тропиков, от увалов суровых снеговых гор до знойных пустынь раскинулась наша родина. Там, где никогда не ступала человеческая нога, выросли теперь заводы, поселки, города. На самых отдаленных окраинах бурлит рожденная большевистской энергией жизнь.

И эти окраины стали первыми потребителями ветроэнергии.

Эрнест Теодорович Кренкель, славный радист дрейфующей станции «Северный полюс», в одном из выступлений говорил:

«Золотыми гвоздями сколачивают доски в Арктике.

[1] Очерк об А. Г. Уфимцеве «Человек, покоривший ветер» напечатан в журнале «Огонек» № 3 за 1940 год.



Эта ветростанция даст 1000 киловатт электроэнергии.

Гвоздь-то, может, стоит и копейку, а перевезти его — десятки рублей».

Во сколько же обойдется в Арктике киловатт энергии, если туда нужно будет везти нефть, которая там становится «черным золотом» в буквальном смысле этого слова. Использовать же энергию воды для постройки гидростанций в Арктике нельзя: реки зимой там промерзают очень глубоко.

Лишь для ветра в Арктике раздолье. Лишь ветру нестрашны ни морозы, ни жара.

И самое главное — эту двигательную энергию не надо привозить, уплачивая громадные деньги за фрахт. Она сама приходит к источнику потребления, и запасы ее неиссякаемы.

Анатолий Георгиевич Уфимцев видел в своих мечтах преображенный даровой энергией ветра Север.

«И вот на заколдованных стужей полярных пространствах, на берегах и островах Ледовитого океана настроятся тысячи теплиц, где в искусственном тропическом климате, в обстановке стимулирующих факторов и удобрений земли и воздуха, в ослепительном свете электрических солнц будут цвести и созревать экзотические плоды, а между деревьями и под их ветвями на влажной, согретой лучами электрического света земле будут быстро созревать многочисленные урожаи ценных злаков, овощей и ягод...»

Если многие века человечество только мечтало использовать даровую энергию ветра, то советские люди всего за два десятилетия смогли обуздать дикую стихию и используют ее мощь для переустройства жизни страны.

На десятках полярных зимовок высятся ажурные башни, увенчанные трехкрылыми ветряками. Вращаются лопасти, приводя в движение моторы. Льется электрический свет, и отступают перед ним ледяное безмолвие и долгая полярная ночь.

В 1935 году на мысе Желания устанавливали первую советскую ветроэлектростанцию. Даже среди зимовщиков были люди, не верившие в возможность

Новое в науке и технике

(Продолжение).

вариант предусматривал строительство моста у Хельсингера, где пролив сравнительно узок, всего 6 километров, но зато глубок — до 35 метров, второй вариант — у Копенгагена, против города Мальме в Швеции. В этом случае длина моста должна была составить 25 километров, но геологические условия и близость крупных населенных пунктов говорили в пользу этого варианта.

С точки зрения мостостроения, постройка моста через Сторстрем была крупнейшим событием, уступающим лишь знаменитым мостам в проливе Сан-Франциско: Оклендскому и через Золотые ворота.

«ЭЛЕКТРОКЛЮЧ». В некоторых американских больницах и клиниках вытесняется употребление ключей к шкафам с операционными инструментами. Когда врач движением руки прерывает луч, падающий на фотоэлемент, немедленно приводится в действие механизм, открывающий дверь или ящик шкафа.

Такой «электроключ» устраняет опасность перенесения бацилл с обыкновенных ключей и дверных ручек на операционные инструменты.

РАДИОБУЙ НА КИТОВОЙ ТУШЕ. Скандинавская фирма сконструировала автоматический радиопередатчик, который может быть прикреплен к шесту флажка, воткнутому в плавающую тушу гарпунированного кита.

При помощи соответствующей радиоаппаратуры на китобойном судне во всякое время легко определить местонахождение туши, так что судно может позже подойти к ней и взять ее на борт для разделки.

Одноламповый передатчик помещен в водостойкой металлической коробке менее 2 футов длины. В определенные промежутки времени передатчик посылает свои опознавательные сигналы. И как только очередной сигнал с китовой туши поступает на китобойное судно, специальная приемная аппаратура на судне приводит в действие сигнальный гудок.

БАКТЕРИОФАГ ПОД МИКРОСКОПОМ. Германскому врачу Хельмуту Руска с помощью ультрамикроскопа удалось проследить процесс борьбы бактериофага (пожирателя бактерий) с бактериями и зафиксировать этот процесс на фотопленке. На снимках, полученных с громадным увеличением, видна кишечная бацилла, облепленная со всех сторон во много раз

(Продолжение на следующей странице).

Новое в науке и технике

(Продолжение).

меньшими тельцами. Последующие снимки показывают, как они, прорвав оболочку бациллы, постепенно уничтожают ее: тело бациллы сокращается в объеме, как бы тает с краев, и в конце концов совсем исчезает.

ЖИВЫЕ ЛАМПЫ. Идея использовать светящиеся бактерии как источник света нснова. Однако до сих пор она не получала практического применения потому, что ученые считали возможным поддерживать свет таких «бактериальных ламп» всего в течение десяти дней. Японский ученый Накамура изготовил из светящихся бактерий лампу, которая светит шесть месяцев. Лампы Накамура предполагается использовать в японских арсеналах и на заводах взрывчатых веществ, так как они совершенно безопасны в пожарном отношении.

Свет возникает в известных видах бактерий при происходящих в них окислительных процессах.

ЛЕЧЕНИЕ ОЖОГОВ. Немецкий журнал «Коралле» сообщает о новом веществе, которое с успехом заменяет танин, применявшийся до сих пор при лечении ожогов. Это вещество — генциановая синька, давно и широко используемая для окраски гистологических препаратов. Нанесенная на поверхность ожога, она быстро оказывает болеутоляющее действие, образует на ране защитную корочку и препятствует всасыванию бактериальных ядов. Генциановая синька действует много быстрее чем танин и почти исключает возможность нагноения.

ПОСЛЕДСТВИЯ СУРОВОЙ ЗИМЫ. Некоторые научные общества Западной Европы сообщают, что в результате суровой зимы погибло очень много птиц. Десятки тысяч ласточек погибли уже в самом начале морозов, в октябре, до перелета на юг. В Восточной Пруссии отмечается почти полное вымирание некоторых видов птиц, например черных дроздов. От холодов погибло также немало зверей.

ПИТАТЕЛЬНЫЕ ВЕЩЕСТВА В ПЛАНКТОНЕ. Государственным биологическим институтом на острове Гельголанде (Германия) установлено, что в высушенном животном планктоне (мельчайших живых обитателях моря) находится до 60% белка, 20% углеводов и от 7 до 12,5% жиров. Институт ведет большую экспериментальную работу с целью использования планктона в качестве продукта питания.

получения электрической энергии от... ветра. Установку ветряка считали дорогостоящей и ненужной затеей.

В столовой станции зимовщики встречали монтажников шутками, правда, не злыми, но все же досаждавшими.

— Ветерок сегодня, видно, не электрический, — и многозначительно смотрели на потолок, где в свете керосиновой коптилки тускло отсвечивало стекло электрической лампочки. Она зажигалась только по большим праздникам: энергию давали батареи.

Вожаком «антиветровиков» был биолог станции профессор К. Его остроты и шутки особенно донимали монтажников и, в частности, их руководителя инженера Владимира Иосифовича Сидорова.

Наконец монтаж станции кончили.

Все сидели за ужином в «кают-компании» станции.

Профессор, подвигая к себе тарелку с зарумянившимся шницелем, уже было начал ставшее традиционным: «Ну, как ветерок...»

И вдруг ярким, ровным светом загорелась электрическая лампочка.

— А какой сегодня праздник? — спросил удивленный профессор. — Или батареи новые привезли?

— Нет, — небрежно бросил Сидоров. — Это ве-те-рок.

Хотя он старался говорить спокойно, но в голосе была радость победителя.

Профессор сперва было не поверил, но, посмотрев на молодого инженера, на его сияющие глаза, понял, что на этот раз объектом для шуток будет он сам.

Он недоумевающе оглядел всех сидящих за столом:
— Позвольте, но все зимовщики здесь. Кто же на этой... вашей станции?

Уже не сдерживаясь, Сидоров рассмеялся:

— А ветер!

Профессор решительно отодвинул от себя тарелку, вышел из столовой и направился к станции.

Сидоров не соврал: там был только ветер. Это он вращал лопасти, вертел шкив, заставляя с ровным шелестом бежать ремень передачи.

Профессор вернулся в столовую, подошел к молодому инженеру и молча пожал ему руку.

Это пожатие, видимо, означало: «Сдаюсь на милость победителя».

Но Сидоров был жесток. Он решил «добить» вожака «антиветровиков».

Когда профессор открыл дверь в свою комнату, он увидел ярко горящую двухсотсвечовую лампочку...

Через месяц электричество было проведено во все жилые и технические помещения, дали даже наружное освещение.

В кабинете врача работали кварцевые лампы, которые облучали зимовщиков горным солнцем во время полярной ночи.

Больше не надо было таскать на себе воду для бани и кухни: это тоже стал делать ветер.

Змейковую лебедку для пуска метеорологического змея ежедневно в течение шести часов выкручивали поочереди все зимовщики. Эта тяжелая, изнурительная работа отнимала много сил и времени у зимовщиков. И здесь пришел на помощь ветер. Он выкручивает лебедку за сорок минут. Около мотора стоит один аэролог, спокойно покуривает трубку, изредка регулируя рычаги.

Теперь о ветре говорили, как о большом, дорогом друге.

«Ветер, — рассказывал один из зимовщиков, — не только сделал нашу жизнь более культурной, но и почти уничтожил чувство оторванности от Большой земли. Раньше, бывало, выйдешь из дому, чтобы пойти к метеобудке, — все черно, как тушь: и небо и даже покрытая снегом земля. Лишь свирепствует ледяной ветер, сбивая с ног и кидая в лицо острые, как иголки, снежинки. Сквозь неистовую песню ветра напряженное ухо улавливает какой-то скрип, шорох, и думаешь: «А, может, медведь?!» И шестьдесят метров, которые надо пройти до метеобудки, превращаются в шестьдесят километров. До будки всегда бежали.

Теперь электрические фонари освещают страшную дорогу. В комнатах тоже светло. На столе электрический чайник, утюг, кастрюля. И эти предметы, которые мы в городе уже не замечаем, здесь — символ культурной жизни.

Может быть, вам покажется смешным, но этот блестящий чайник сокращает расстояние от нас до Большой земли, и нам кажется, что и до Москвы не так уж далеко.

И это сделал ветер».

Сейчас зимовщики мыса Желания заняты разрешением серьезной проблемы: куда девать электроэнергию? Электрифицировано все, что возможно. В этом году все помещения будут отапливаться электричеством, и все же его останется с избытком. Станция может дать пятьдесят тысяч киловаттчасов, а используется только восемь тысяч.

На острове Уэллене чукчей никак не могли уговорить вести оседлую жизнь. Им предлагали построить деревянные дома, учить их детей, дать медицинскую помощь. Безуспешно!

На острове пустили ветряк и в одну ярангу провели электрический свет. И то, чего не могли сделать слова, сделал ветер, превращенный в электроэнергию. Чукчи не могли уйти от яркой, радостной лампочки Ильича.

Ветростанции дали в Арктике и большой экономический эффект. Стоимость ее окупается за год, за счет сокращения одного электротехника. На горючем за год полярные ветростанции сэкономили больше пятисот тысяч рублей. Кроме того за счет горючего на зимовки завезено много дорогого, полезного груза.

Пять лет работы ветростанций в Арктике доказали всю несостоятельность доводов иностранных ученых, утверждающих, что ветростанции могут быть только резервом при гидро- или теплостанциях.

Ветростанция на мысе Желания за год работала 1447 часов и дала 7634 киловаттчаса энергии, двигатель же работал всего 23 часа и дал 110 киловаттчасов.

Так что же является резервом?

Ветростанции завоевали советский Север, и даже на 82-м градусе северной широты, на острове Рудольфа, высится ажурная башня с трехлопастным ветряком.

Сейчас в Главсевморпути разработан проект автоматической метеорадиостанции, работающей на энергии, даваемой ветряком. На этой станции не будет людей. Но она в точно установленные часы проведет метеонаблюдения и сообщит их в эфир. Такая станция сможет работать без наблюдения полтора — два года. Это позволит установить метеопункты в таких точках нашей страны, где нельзя постоянно жить человеку.

Было бы ошибкой предполагать, что ветростанции могут быть использованы только на просторах Крайнего Севера и в горных местностях.

На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке около ветростанции всегда можно было увидеть сотни колхозников. Они забрасывали экскурсоводов вопросами о работе станции, ее мощности, возможности использования в деревне, в сельском хозяйстве, знакомились с отзывами колхозов, где имелись ветроустановки. И, видимо, достоинства станции они оценили очень высоко. В Наркомземе и Наркомсовхозе имеется 231 тысяча заявок на ветродвигатели.

Уже сейчас в колхозах работает около 5 тысяч ветроустановок. Они ежегодно экономят 15 — 16 тысяч тонн горючего и сберегают миллионы трудодней.

Народный комиссариат совхозов недавно произвел анализ результатов работы 262 ветродвигателей, установленных в совхозах на подаче воды. Они заменили труд 1147 рабочих, 14 нефтедвигателей и 669 лошадей.

* * *

Советская ветроэнергетика непрерывно развивается. Уже далеко позади оставлены конструкции заграничных ветростанций. На опыте работы Балаклавской ветростанции (самой мощной в мире) сейчас разработана конструкция новой ветростанции ЦВЭИ-Д-50 мощностью 1000 киловатт.

Станции этого типа будут установлены в Заволжье. Они приведут в движение мощные насосы, которые погонят воды Большой Волги на сжигаемые суховеем поля. Во время летнего перепада воды они дадут свою энергию в сеть Куйбышевского гидроузла.

Большевики заставят покоренный ветер бороться с диким ветром.

Эра «анемофикации» (анемос — ветер), которую предвидел поэт научной мысли А. Г. Уфимцев, становится реальностью.

XVIII съезд партии большевиков сказал: ветер должен работать на социалистическое хозяйство, на советского человека. А у большевиков слова не расходятся с делом! Десятки конструкторов работают над новыми типами ветродвигателей. На четырех заводах строятся цехи, которые будут их производить.

И недалек тот час, когда страшная стихия, покоренная волею большевиков, отдаст нам всю свою энергию.



Разлад

М. Борисоглебский

Рассказ

Мы шли по берегу реки. Сады и кустарники были непроницаемо черны. В темноте зловеще выступали необитаемые избы и опустелые амбары. Дорогу преграждали поваленные и разломанные изгороди. Село казалось вымершим и погруженным во мрак. На реке кто-то взволнованно шептался: это шелестела вода припавшей к ней листвой тальника. Все было в трауре. Но несмотря на гнетущую мрачность окружающего чувствовалось приближение погожего утра. Безоблачное небо, усеянное звездами, чуть блекло и зеленело.

Мы шли по берегу реки на выген, к лягушачьему логу, где десятки лет добывали глину, а теперь расстреливали людей. Руки мои были заложены за спину и связаны тонкой веревкой. Правый глаз кровоточил. Но где была сильнее боль, в расшибленном глазу или в необычно вывернутых руках, я не распознавал. Ноги мои переступали неуверенно.

Трудно сейчас рассказать все то, что я передумал и перечувствовал за несколько минут последнего и самого краткого, как мне казалось, в жизни путешествия. Рядом со мною, грузно шагая, шел солдат белой армии, рослый украинец, Тарась Кузманюк. Ему было поручено «сопроводить» меня к логу и там привести в исполнение приговор, вынесенный мне командиром карательного отряда.

Я шел не торопясь: каждый шаг приближал меня к смерти, каждое движение Кузманюка казалось мне угрожающим. И несмотря на живительную прохладу, которой веяло от реки, мне было душно. Вдруг где-то, совсем близко, раздалось свирельное тивить-тивить-тивить, затем проклокотал учащенный клекот и просыпалась звонкая дробь. Столь неожиданно и смело начал свой концерт соловей. Он так благозвучно и радостно щелкал, так молодецки свистал, так восторженно заливался и отбивал такое неподражаемое плень-плень-плень, что Кузманюк даже приостановился.

Я слушал соловья так, словно от его пения зависела моя судьба или как будто оно облегчало страдания и помогало мне отыскивать путь к спасению. А пути этого не было и быть не могло: приговор не подлежал отмене. Командир карательного отряда слишком наглядно проявил ко мне свою ненависть, и его солдат Кузманюк, старая полковая «шкура», так звали ревностных служак из зажиточных селян, конечно, будет неуклонен в исполнении приказа командира.

Кузманюк шел молча, лениво, тяжело, моментами мне казалось, что он тщетно скрывает свое нежелание сопровождать меня к страшному концу жизни. Всякое бывает, думалось мне, даже охваченные слепой ненавистью иногда содрогаются от бессмысленных зверств.

Сейчас я рассказываю об этом спокойно, точно речь идет о каком-то заурядном происшествии, но тогда мне было очень тоскливо и жутко. Молча и мучительно прощался я с обманчивой, но соблазнительной жизнью, с опустошенным, но родным селом, с невидимым, но любимым лесом, с бездушной, но желанной рекой и даже с пыльной дорогой, по которой непослушно шли мои ноги. Удушливая горечь подступала к горлу, когда я смотрел в необъятное небо, на тоскливо догоравшие звезды, и вспоминал тебя, моя радость, моя любовь!

А соловей пел свою звонкую, страстную, неизъяснимую песнь. Он переливисто насвистывал, как флейта, гудел, словно волчок, рассыпал по темным заросльм прерывистую дробь и вдруг переходил на нежное, влюбленное воркованье. Моментами казалось, что вот-вот замрут очаровательные рулады, как вдруг он опять возвышал голос и восторженно, гордо, смело оглашал окрест звонкими трелями.

— Ишь стэрва!—глухо выругался Кузманюк.—Стой! Не могу дальше идты, — он брякнул винтовкой и взял ее наперевес.—А ну, отходь!

На миг я перестал слышать, видеть; что думал, что чувствовал, не знаю и вдруг почему-то крикнул:

— Здесь не полагается расстреливать! Веди дальше!

Кузманюк молчал.

— Зараз придимо, и там можешь кончать!

Кузманюк вздохнул, неторопливо повесил винтовку на плечо и, не глядя на меня, сказал:

— Тож мине правила учиняет!

Мы пошли дальше. Соловей, было замолкший, вновь бросил вопрошающее тивить-тивить и засвистал так весело, так громко, так восторженно, как будто жизнь была прекрасной и счастливой не только у него, но у всех птиц, у всех зверей, у всего человечества.

Небо заметно светлело на востоке. Звезды гасли. Они уже не отражались в реке, над которой закурилась испарина. Мы выходили из села. Соловьиная песнь теперь раздавалась позади нас. И от того, что она отдалялась, мне становилось все тоскливее и тоскливее, словно все близкое и любимое уже было потеряно навек. Отяжелевшие ноги с трудом передвигались по дороге. Медленно, но неуклонно мы приближались к лягушачьему логу.

Соловьиная песнь затихла, и я вновь почувствовал забытую мной ночную тишину, темную и холодную. Могильным тленом повеяло в лицо: мы подходили к логу. И в то время, как дорога повернула к спуску, вблизи, над рекой, запели сразу два соловья.

Такого пения мне еще не приходилось слышать. Молчаливый сумрак трепетал от их песни, река текла быстрее, лес пробуждался, и даже небо, бездонное небо, слушая их, чуть-чуть заалело на востоке.

— Ух ты, бисовы дети!—проворчал Кузманюк, скинул винтовку с плеча и взглянул на меня косым взглядом.—Ты, хлопче, падай, когда я выпалю, а не то добивать буду.

Веселый жар обдал все мое тело: я почуял в этих, сумрачно сказанных словах спасение и, осмелев, сказал:

— А ты не стреляй!

— Я такой власти не маю.

— Сейчас твоя власть. Скроюсь в лесу, як згину!

— Отчипысь! Не пытай! Иды швыдче!

Соловьи пели восторженно, неутомимо, звонко. Кузманюк стал замедлять шаги. Зловеще лязгнул затвор винтовки. Я напряг все силы и побежал вниз, за кустарники. Раздался выстрел. Он гулко пронесся над рекой и дважды повторился в лесу.

— Ух ты, лядащий!—выругался Кузманюк и выстрелил мне в догонку еще раз.

Я подбежал к реке. Теперь мне не хватало одного—развязанных рук. Без рук я не мог плыть, а в этом заключалось окончательное спасение.

— Пидожды трошки, дурний!—сказал Кузманюк и стал пробираться сквозь кустарники к реке.

«Все-таки конец»,—подумал я.

Соловьи смолкли, видимо, выстрелы испугали их.

«Бежать! Бежать! Бежать!»—отдавалось в сердце, в ушах, в мозгу. Но я не мог бежать, не мог! От волнения и страха, как это бывает иногда во сне, ноги не повиновались. Удивительно, как только я стоял на них?

Кузманюк приближался. Вот силуэт его фигуры уже зачернел между темносерых кустов серебристого тальника.

— Пидожды, не тикай! Я ж тибе еще не стрелил!

Опять раздался знакомый лязг затвора винтовки и затрещали кусты.

Я упал, и все исчезло из моего сознания. Это было необыкновенное падение. Мне казалось, что я лечу в бездонную пропасть. Ни страха, ни боли. Мелькнувшая мысль, что я умираю, даже не огорчила меня. И если бы я был способен размышлять дальше, то, наверное, посмеялся бы людскому страху перед смертью, осудил бы мое трусливое бегство и ни за что бы не вернулся в лучезарный, но жестокий мир. Так было приятно, необычно и блаженно мое падение.

Когда я очнулся, надо мной пел соловей. В светлоголубом небе чуть розовело маленькое пушистое облачко. Недоуменно осмотрел я окружавшие меня кусты. И вдруг вспомнил происшедшее. Холодный ветерок пробежал надо мной. Теперь я смотрел на кусты с тревогой и страхом. Кузманюка не было.

«Значит, я жив!»

Этот нелепый вывод нисколько не смутил меня. Я стал напряженно вслушиваться. Чуть-чуть шелестели верхушки тальника, в тумане бесшумно текла река, и только соловей нарушал тишину сонного утра. Я лежал на спине, широко раскинув руки. С трудом воспринимая окружающее, почувствовал ломкую головную боль, словно сквозь правый глаз в мой мозг был вбит железный клин.

Осмотревшись еще раз, крадучись пополз к реке и только в этот момент заметил, что руки мои развязаны. От радости и удивления я припал к земле, на миг затаил дыхание и уткнул восторженное лицо в горькую зелень папоротника.

«Значит, помиловал. Спасибо, Кузманюк! Спа-си-бо!»

Когда я вошел в воду, радостная дрожь пробежала по моему телу. Окунувшись с головой, я смело поплыл к противоположному берегу, где сумрачно темнел дремучий бор.

●

Прошло десять лет, и вот я в родном селе. Тихий июньский вечер. Иду с воспоминаниями о прошлом по тому пути, где когда-то меня сопровождал Тарась Кузманюк. Вот мягкая, песчаная дорога, густые сады, тихая река. Чу, даже соловей! Сторожко прислоняюсь к забору и вслушиваюсь в пение птицы. Мне кажется, что сейчас должно повториться когда-то слышанное на этом же пути пение. Но соловей поет примитивно, неумело, вяло, без восторга и упоения. Видимо, это молодой и несмелый ученик. Но я все-таки слушаю его.

— Соловушку заприметили, Сергей Василич? — вдруг раздалось рядом со мной, по другую сторону забора. Я даже вздрогнул от столь неожиданного вопроса. —Это шалый, подросток. Соловьи ноне рано отпели. Должно, уж погнездились.

В говорившем я узнал деда Егора Петровича, бывшего церковного сторожа.

— Жаль. Я очень люблю их.

— Для соловьев надо было ране приезжать. Лучше всего они поют на весенней заре. Аль запамятовал, живя в городе?

— Это верно. В городе это все забывается.

— То-то и оно. Городская-то жизнь, она городская, нету в ней настоящего, пыль одна!

— А как ты живешь, Егор Петрович?

— Спасибо, сынок, хорошо живу. Тридцать лет по-старому сторожил церковь, да и теперь вот десятый год ее же сторожу. Зерно там всеобщее, вроде как элеватор.

— Поди, много тебе годков-то?

— За восьмой десяток перевалило.

— И все-то помнишь. Вот и меня даже признал.

— Память-то у меня плетешком плетеная—ничего не выпадает. Да и как тебя не признать: ведь случай то был, что твое воскресение из мертвых.

— Это верно, Егор Петрович, случай редкостный.

— А ведь у меня с ним о ту пору разговор был. Мужик-то оказался особенный.

— Что же он тебе рассказывал?

— Очень обеспокоился он. Разлад у него такой случился. «Идем, говорит, дело решенное, службу я знаю, приказов никогда не нарушал. Ан, смотрю, хлопец дюже незлобивый. Осудили его, сдается, зазря. А тут, говорит, до того хорошо соловьи спивают, аж за сердце щемят. Иду, говорит, як в Краине на свой хутор до хаты». Вот какой у него разлад-то вышел.

— Должно быть, так и было, иначе бы он не помиловал меня.

— Да он тебя и не помиловал. Он порешил, как ему, служаке, положено. «Нагнал, говорит, я его в ту ж минуту. Стоит у берега, як вкопаный. «Дурень ты, дурень, думаю, говорил тебе—легай, когда выпалю, ан нет, побег! А раз тикаешь, то нет мне такого права упускать тебя. По всем уставам, должон в бегущего палить. А ежели не выпалю, то на совести будет свербить!» Тут я его спрашиваю: «А если бы он упал?» «Ну, говорит, если падший и еще недвижимый, то это, як вмерший!» Вот он и пальнул в тебя, а ты и рухнулся, словно подкошенный. «Подошел, говорит, смотрю: скончался, лежит носом в песок. И такой у меня разлад в душе, тоска сосет, злость щемит, аж сплюнул и перекрестился. Вот оно, как вышло, говорит, дурню — дурная смерть! Согласно приказу, развязал я ему руки, потому в веревках большая нужда была, сунул веревку за пояс, а его повернул лицом к небу и руки на груди сложил: «Нехай, думаю, остывает по-християнскому». Вот он как тебя помиловал-то!

Сумерки сгущались. Таинственная синева заволакивала сады. Шалый, неопытный соловей перестал насвистывать и, просверлив воздух резким видь-видьвидь, смолк. Дед Егор Петрович смотрел на меня ласковыми слезящимися глазами. А я стоял, внезапно помрачневший и опечаленный. Какой неприятный разлад вселил в мои мысли, чувства и воспоминания дед Егор своим рассказом! Отныне я должен буду совсем по-другому вспоминать и оценивать совершенную надо мной смертную казнь.

Л. Окунев и К. Бочкарев

РУССКИЙ РЫСАК

Фото М. Сироткина

Хреновский конный завод, создавший породу русского рысака, был основан в 1776 году в Воронежской губернии А. Г. Орловым. В основание породы русского рысака легли лучшие тогда породы лошадей: арабские, датские верховые, голландские рысаки и английские чистокровные и др.

А. Г. Орлов разгромил и уничтожил в 1770 году турецкий флот в Чесменской бухте.

Паша Гассан-бей, командовавший турецким флотом, после своего жестокого поражения под Чесмой остался в долгу у А. Г. Орлова, великодушно возвратившего паше его многочисленных жен и детей, находившихся при флоте на специальном кораблегареме, захваченном русским флотом в плен. При содействии паши Орлов купил в Аравии двенадцать выдающихся арабских жеребцов и среди них изумительного серебристо-белого жеребца «Сметанку». По заключению современников, арабские лошади, подобные «Сметанке», ни до, ни после А. Г. Орлова в Европу не попадали. Купленные лошади прибыли в Россию на кораблях по Черному морю. Исключение было сделано только для красавца «Сметанки», которого провели в руках из Аравии через Турцию, современную Болгарию и Румынию, не доверяя превратностям морского пути. Потребовались выпуск специального фирмана за подписью султана о пропуске жеребца через турецкие владения и специальный конвой янычар для его охраны.

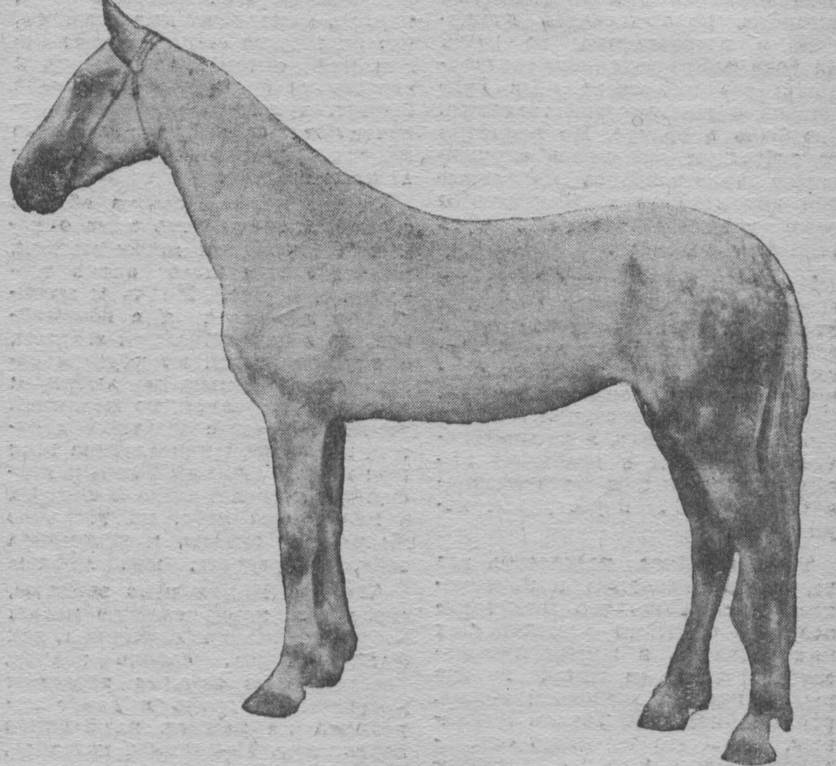
Порода русского рысака была создана путем скрещивания верховых пород лошадей арабской и датской, с одной стороны, и упряжных пород голландской и мекленбургской—с другой. Целью такого скрещивания было получить крупную упряжную лошадь благородного экстерьера, с хорошими рысистыми аллюрами.

Просвещенный для своего времени, Орлов руководствовался господствовавшей тогда эклектической доктриной натурфилософа Бюффона, по учению которого, все лучшее, совершенное рассыпано равномерно в мире, и поэтому для сконцентрирования лучшего нужно пользоваться скрещиванием разных пород из разных мест. Известный английский ученый, скотозаводчик Беквель, был поражен стройностью и законченностью мыслей и мнений Орлова по вопросам коневодства.

При жизни Орлова в Хреновском конном заводе содержалось одновременно от двух до трех тысяч лошадей. Ясная цель, поставленная заводчиком, — вывести крупную упряжную, благородного экстерьера, с закрепленным рысистым аллюром, породу и, наконец, система испытаний, через которые проводились все лошади, прежде чем поступить в производящий состав завода, — все это привело к созданию породы русского рысака.

От «Сметанки», прожившего в заводе один год, и буланой датской кобылы родился «Полкан 1-й», который от серой голландской рысистой кобылы дал «Барса 1-го», явившегося родоначальником русской рысистой породы.

«Барс 1-й», серый жеребец, родился в 1784 году, обладал могучим телосложением (рост — 2 аршина 6 вершков), отличался резвостью и силой, делая по грунтовой дороге под девятипудовым ездоком (вес А. Г. Орлова) 5 верст в 8 минут.



Русская рысистая кобыла «Радуга» Горьковского конного завода.

От «Барса 1-го» ведет свое начало русский рысак.

Порода получила дальнейшее развитие и широкое распространение благодаря талантливому помощнику Орлова—крепостному Шишкину. До смерти Орлова ни один жеребец не покидал завода, не будучи предварительно кастрирован. Только случайно через кобылу, покрытую жеребцом «Холстомером», русский рысак при жизни Орлова вышел из стен Хренового. Кобыла оказалась жеребой и приплодила от «Холстомера» (он же «Мужик 1-й») жеребца «Старого Атласного».

В 1845 году Хреновский конный завод за громадную по тому времени сумму—в 8 миллионов рублей—был продан дочерью А. Г. Орлова в казну.

Русский рысак, созданный в России, является одной из самых старых и одной из лучших по качеству пород лошади упряжного типа. Русский рысак заслуженно пользуется международной известностью.

В 1867 году на всемирной выставке в Париже русский рысак «Бедуин» показал на одну версту резвость 1 минуту 32 секунды, тогда как резвейший американский рысак, кобыла «Флора Темпль», на ту же дистанцию показал только 1 минуту 36 секунд. Русские рысаки «Ветер буйный» и «Волшебник» в Париже на всемирной выставке в 1900 году поражали всех своей красотой. Знаменитые русские рысаки «Перец» и «Полотер» были непобедимы на ипподромах Европы.

Создание, развитие и совершенствование русского рысака на протяжении свыше полутора веков являются самой яркой главой в истории животноводства и развития зоотехнической мысли нашей родины.

Не было ни одного посетителя Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, который бы не любовался с чувством гордости серым красавцем «Уловом» 10-го Хреновского конзавода, всесоюзным и европейским рекордистом, пробежавшим в 2 минуты и $2^1/_4$ секунды дистанцию в 1600 метров.

В 1939 году эксперты-специалисты присвоили «Улову» звание чемпиона рысистой породы. В текущем году «Улову» предстоит задача — попытаться побить свой собственный рекорд.

Отец «Улова», серый «Ловчий», — чемпион породы русского рысака на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в 1923 году; дед «Ловчего», красавец «Громадный», давший знамени-

го «Крепыша», получил Большую золотую медаль на Всероссийской выставке в 1910 году. Сын «Улова», молодой «Джаркуль», трех лет, будет показан на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в 1940 году.

Мировые рекорды на длинные дистанции неизменно принадлежали русским рысакам, рекорд на дистанцию в 6400 метров в 9 минут 36 1/5 секунды установлен в 1939 году серой кобылой «Украдкой» 4-го Тульского конзавода. «Украдка» будет в этом году на Выставке. Кроме сына «Улова» — «Джаркуля» — на Выставке будут демонстрироваться сыновья «Ловчего» — производитель 4-го конзавода «Новатор» и колхозный жеребец «Вьюн». Близкая им по происхождению внучка чемпиона Всероссийской выставки 1910 года «Громадного», резвейшая русская рысистая кобыла «Радуга» 22-го Горьковского конзавода, будет оспаривать звание чемпиона Выставки по кобылам у ряда очень хороших маток, выставляемых колхозами Орловского и Курского государственных племенных рассадников рысаков. Такие кобылы, как «Ляля», «Лепта» и ее дочь «Легкая», будут достойными партнерами «Радуге» в соискании почетного звания чемпиона.

Большой интерес представит также жеребец «Кремень» — крупная и очень резвая лошадь, представитель новой линии в породе русского рысака, особо ценной для получения крупной, могучего склада, рысистой лошади.

Всего на Выставке в 1940 году демонстрируется свыше 15 русских чистопородных рысаков.

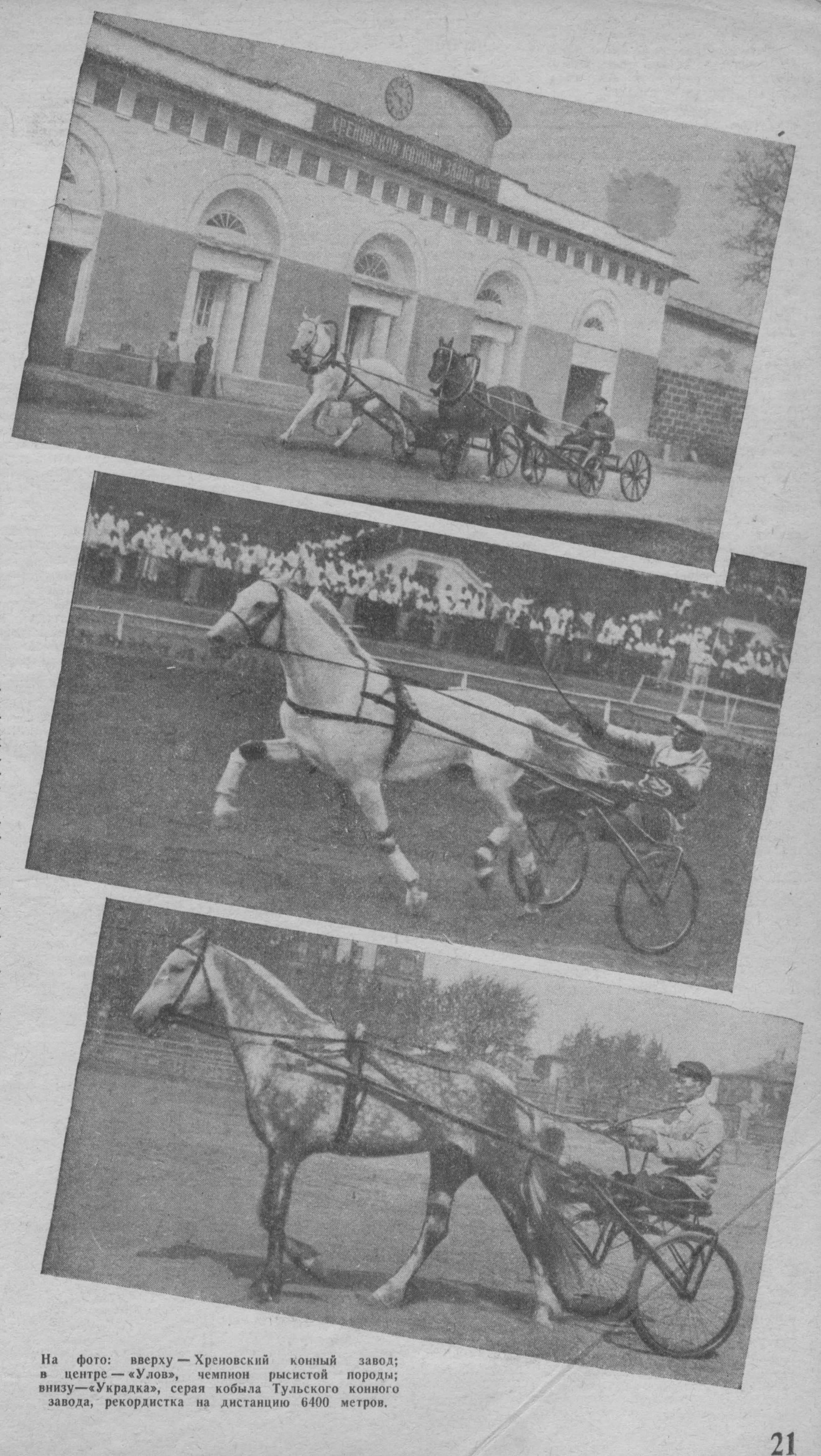
Порода русского рысака, созданная в крупном помещичьем хозяйстве, удовлетворяла потребности помещиков в разъездной лошади и служила целям спорта—бегам. Влияния на улучшение огромной массы крестьянской лошади рысак почти не имел.

Лишь после ликвидации частновладельческого помещичьего коннозаводства русский рысак стал основной плановой улучшающей породой для получения упряжной лошади для нужд сельского хозяйства и обороны страны. Вместе с тем открылись огромные возможности для улучшения качества породы.

Рекорды «Улова», «Пилота», «Радуги» и многих других рысаков намного выше дореволюционного рекорда феномена-одиночки «Крепыша». Наши ипподромы теперь являются подлинными лабораториями, где всесторонне проверяется и испытывается работоспособность рысаков: дается оценка их сердцу, легким, кровеносной и нервной системам, крепости организма и его выносливости.

Русский рысак служит теперь приумножением богатств нашей социалистической родины на полях колхозов и защите родины в тачанках доблестной Красной Армии.

Стахановцы коневодства, орденоносцы: Хальнов В. М., старший маточник 10-го конзавода; Пичугин А. Н., конюх 9-го конзавода; Усков Я. Г., тренер-наездник 4-го конзавода, — и другие, ведущие изо дня в день сложную и кропотливую работу по разведению и улучшению породы рысака,—заслужили высшие награды правительства, став орденоносцами, знатными людьми советской родины.



На фото: вверху — Хреновский конный завод; в центре — «Улов», чемпион рысистой породы; внизу—«Украдка», серая кобыла Тульского конного завода, рекордистка на дистанцию 6400 метров.



В ПАРИЖСКОМ МЕТРО

Париж. Станция метро у Плас де ла репюблик. Много солдат и офицеров, прибывших с фронта. На движущейся лестнице стоит девушка. На щеках лихорадочный румянец. Рядом в пелеринке полицейский. Девушка жалуется на головную боль. Она не выносит подъема на лифте и эскалаторе. Полицейский молод и учтив. Он поддерживает девушку, советует ей сильнее опереться на перила. Девушка благодарит. Она и так всем телом повисла на них, хотя это и запрещено.

Полицейский покручивает свободной рукой ус и пытается острить:

— Запрещенный плод сладок...

Девушка с улыбкой смотрит на бравого блюстителя порядка:

— Вы так думаете?

— Я это проверил на собственном опыте,— говорит полицейский, польщенный вниманием девушки.

Лестница бесшумно выносит их из душного и серого подземелья к свету, шуму и блеску парижских бульваров.

Девушка с трудом оторвала руку от резиновой ленты, которая тут же ушла под пол, чтобы через некоторое время вновь вынырнуть внизу, у основания лестницы.

Полицейский козыряет. Он сегодня дежурит здесь на площадке и не может сопровождать девушку, но надеется встретить ее завтра вечером на станции метро у Шоссе Д'Антэн. Она спешит, а он непрочь поболтать и задерживает ее руку в своей широкой ладони.

Девушка давно скрылась в толпе, а на лице у полицейского все еще блуждала улыбка.

...Тревога вспыхнула внезапно. Щупленький офицер кричал густым не по росту голосом...

— Остановите ее!

Этот крик сразу согнал улыбку с лица полицейского. Дрогнула верхняя губа, ощетинились усы.

Офицер продолжал кричать:

— Остановите ее, говорю я вам!

Заметил полицейского. Набросился на него:

— Вы не знаете своих обязанностей.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Слушаюсь!

ОФИЦЕР. Почему эти болваны,— он указал перчаткой на служителей метро,— не останавливают ее?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Где она? Я сейчас же ее задержу,— и хватает за рукав нарядную старуху.

ОФИЦЕР. Не старуху, а лестницу!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (раскрыв рот). Лестницу?

ОФИЦЕР. Да, лестницу, чего вы уставились на меня!

Лестницу остановили. Многие пассажиры от неожиданности попадали. Понеслись негодующие крики:

— Что за произвол...

— Кто им это позволил...

— У меня больное сердце, я не могу подниматься без лифта.

— Верните деньги за билеты...

Офицер приказал солдатам очистить лестницу от толпы. Солдаты неохотно повиновались. На лестнице ничего не оказалось.

Все с удивлением смотрели на офицера. Посыпались ядовитые реплики:

— Пуганая ворона куста боится!..

— Поехал бы на фронт командовать!

— С ветряными мельницами легче воевать, чем с немцами!

Офицер приказал пустить в ход эскалатор. Вновь замелькали ступеньки.

В напряженной тишине неожиданно раздался его торжествующий крик:

— Смотрите!..

На гладкой черной ленте, медленно ползшей вверх, запестрел яркий плакатик, величиной с ладонь.

— Коммунистическая листовка,— кричал офицер.— Канальи, куда ухитрились наклеить, уничтожьте ее!..

Внизу у лестницы молодой человек грыз жареные каштаны. Увидев листовку, он вскочил на лестницу и осторожно снял ее с ленты. Все с любопытством следили за ним.

— Эй, парень,— крикнул кто-то из толпы,— прочитай-ка, что там написано.

Парень откашлялся и стал громко читать:

«На фронт окопавшихся в тылу!

В то время как пожилые отцы семейств находятся под ружьем, маменькины сынки разгуливают в тылу; жены мобилизованных, не давайте себя запугивать людям, которые преследуют друзей мира! На фронт окопавшихся в тылу!»

Офицер пытался заглушить молодой, звонкий голос, но толпа оттеснила его.

— Болван,— кричал он на полицейского,— хватай этого мерзавца!

Полицейский ринулся вниз по лестнице, а она медленно ползла вверх...

В напряженной тишине раздался вдруг радостный детский крик:

— Глядите, лестница тащит полицейского обратно. Браво, лестница!

Раздались аплодисменты, хлопали рабочие, солдаты, служащие.

Полицейский в конце концов схватил парня. Он и не пытался бежать.

ОФИЦЕР. Отведи его в ближайший полицейский пункт.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Слушаюсь, лейтенант.

ОФИЦЕР. Вот моя визитная карточка, скажи, что я готов выступать свидетелем по этому делу.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Слушаюсь, лейтенант.

ОФИЦЕР (разглядывая листовку). Ловко придумали. С одной стороны текст, с другой клей.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Они украли патент у изобретателя марок!

Офицер вынул из бокового кармана розовый надушенный конверт, положил туда листовку, запечатал и посмотрел многозначительно на полицейского.

— Это чтобы полицейские не читали. Понятно?

— Понятно, лейтенант!

Полицейский откозырял и увел арестованного.

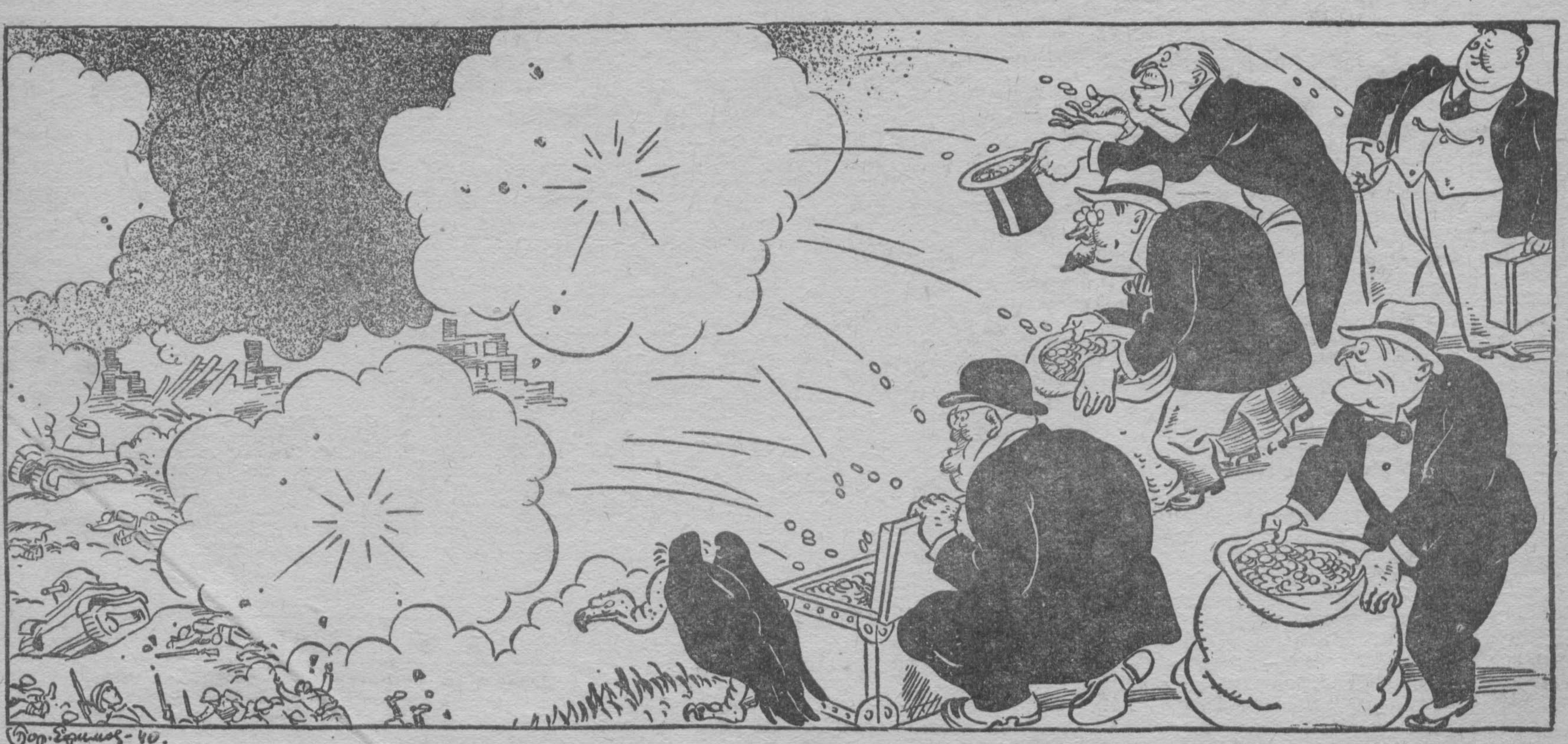
...На следующий день вечером на станции метро у Шоссе Д'Антэн, на движущейся лестнице, стояла та же девушка. Рдели щеки. Рядом молодой учтивый полицейский. Девушка жаловалась на головную боль. Она не переносит подъема на лифте и эскалаторе. Полицейский советовал девушке опереться рукой на перила...

Внизу, у лестницы, молодой парень грыз жареные каштаны.

Victor F.

«ВОЙНА ЗА ДЕМОКРАТИЮ И ЦИВИЛИЗАЦИЮ»

Рис. Бор. Ефимова.



Пушечные фабриканты (хором): «Золото, золото падает с неба...»

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера А. Котова

«Знаете ли вы партии первоклассных шахматистов, в которых встречались «счетверенные» пешки?» — с таким вопросом обратились к ряду шахматных мастеров.

И даже опытные шахматисты, знакомые с многочисленной шахматной литературой, вынуждены были ответить на этот вопрос отрицательно. Приводим партию, игранную в Москве в 1907 году, в которой 4 белых пешки стояли на вертикали.

АЛЕХИН — НЕНАРОКОВ

Стоневаль

1. d2—d4 d7—d5
2. Kg1—f3 e7—e6
3. e2—e3 c7—c6
4. Cf1—d3 f7—f5

Черные построили пешечный заслон, получивший в литературе название «каменная стена».

5. Kf3—e5 Фd8—f6
6. Kb1—d2 Kb8—d7
7. f2—f4 Kd7 : e5
8. f4 : e5 Фf6—f7
9. 0—0 Фf7—c7

Грозило 10. e3—e4. Несмотря на потерю ряда темпов позиция черных остается прочной — следствие их надежного пешечного построения.

10. c2—c4 Kg8—h6
11. b2—b3 Cc8—d7
12. a2—a4 Cf8—e7
13. c4 : d5? . . . .

Ошибочный размен, так как инициатива на ферзевом фланге переходит к черным. Правильно 13 Ca3

13. . . . c6 : d5
14. Cc1—a3 Ce7 : a3
15. Лa1 : a3 0—0
16. Лa3—a2 Лa8—c8
17. Фd1—e2 Фc7—b6
18. Лa2—c2 Лc8 : c2
19. Cd3 : c2 Лf8—c8
20. Cc2—d3 Фb6—b4

Давление черных на ферзевом фланге становится все более опасным. Поэтому белые используют возможность атаки на королевском фланге и первым долгом подготовляют ход g2—g4.

Интересно, что в создавшейся позиции ничто не предвещает образование «счетверенных» пешек на линии «e»

21. h2—h3 Kh6—f7
22. Лf1—b1 Лc8—c3
23. Kpg1—h2 a7—a6
24. Фe2—f1 Фb4—a3
25. Лb1—d1 . . . .

Защищаясь от 25... C : a6 с помощью встречной угрозы 26. Kb1

25. . . . Фa3—b2
26. Фd1—e2 Kf7 — d8

Пассивный ход. Энергичнее было 26... Kg5 и затем Ke4

27. Лd1—b1 Фb2—a3
28. Лb1—f1? . . . .

Не используя представившейся возможности с выгодой сыграть 28. g2—g4!

28. . . . . Фa3—b4

Сейчас на 29. g4 следует 29. f : g 30. h : g b5 31. a : b c : b5 32. C : b5 Лc2 33. Лd1 a : b, и фигуры белых скованы.

29. Cd3—b1 b7—b5
30. g2—g4 p5 : a4
31. g4 : f5 Cd7—b5
32. Kd2—c4 . . . .

у белых только одна надежда на открытую линию «f»

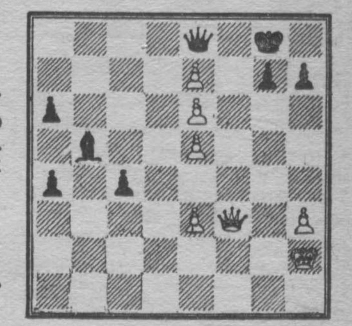
32. . . . . Лc3 : b3
33. f5 : e6 d5 : c4!

Еще не поздно было допустить ошибку, сыграв 33. Л : b1 34. Л : b1Ф : b1 35. e7 Ke6 36. Ka3!

34. Фe2—f3 Лb3 : b1
35. Лf1 : b1 Фb4 : b1
36. e6—e7 . . . .

Не спасало 36. Фd5. Фc2+ 37. Kph1 (иначе 37. Фg6 +) 37. Cc6 и выгр. . . .

36. . . . Kd8—e6
37. d4—d5 Фb1—g6
38. d5 : e6 Фg6—e8

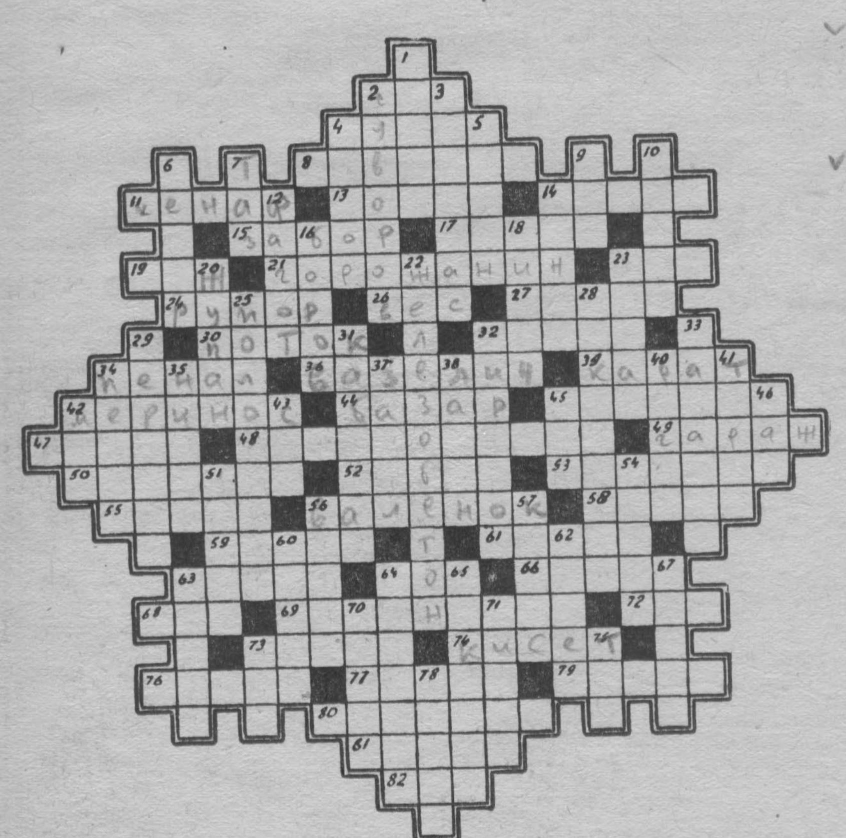


Белые сдались.

Заключительное положение, повидимому, единственное в практике серьезных шахматных состязаний.

КРОССВОРД

СОСТАВИЛ ЧИТАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» И. ВАСИЛЕНКО



ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

2. Жидкость.
4. Животное.
8. Любимец.
11. Растение.
13. Танец.
14. Газ.
15. Ограда.
17. Животное.
19. Материя.
21. Житель города.
23. Шум.
24. Прибор для усиления звука.
26. Сила тяжести.
27. Остров в Индийском океане.
30. Стремительное течение воды.
32. Сладкое вещество.
34. Ящичек для ручек и карандашей.
36. Продукт перегонки нефти.
39. Мера веса драгоценных камней.
42. Порода овец.
44. Рынок.
45. Сын Одиссея.
47. Деревянные бруски для рам.
48. Газ.
49. Помещение для автомобилей.
50. Велосипед.
52. Растение.
53. Взрывчатое вещество.
55. Высший государственный орган в древнем Риме.
56. Зимняя обувь.
58. Рыба.
59. Город во Франции.
61. Род бабочек.
63. Напиток.
64. Этап в игре.
66. Высшее сословие феодальной Руси.
68. Сражение.
69. Анилиновый краситель.
72. Река в Марокко.
73. Должность на военном корабле.
74. Мешочек для табака.
76. Золотая или серебряная тесьма.
77. Единица подвижного состава.
79. Название трех озер в Монголии.
80. Литературный псевдоним немецкого поэта XVIII века.
81. Морская выдра.
82. Маршал Наполеона.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Несвободный человек в древней Руси.
2. Великий русский полководец.
3. Столица одной из республик Латинской Америки.
4. Сорт вина.
5. Мужское имя.
6. Одна из сторон горизонта.
7. Сосуд.
9. Палуба на корабле.
10. Рак-отшельник.
12. Духовой инструмент.
14. Русский государственный деятель XVII—XVIII веков.
16. Животное.
18. Великан.
20. Одежда.
22. Стройматериал.
23. Животное из рода антилоп.
25. Вид кита.
28. Древнее государство.
29. Рыболовная снасть.
31. Прибрежные рейсы судна.
32. Вид ветра.
33. Химический элемент.
34. Созвездие.
35. Элемент группы гелия.
37. Препятствие для наступающего противника.
38. Вид смолы.
40. Звезда в созвездии Льва.
41. Река в Туркестане.
42. Голландский художник XVII века.
43. Термин при игре в теннис.
45. Архитектурное украшение.
46. Палач.
51. Химический элемент.
54. Один из рыцарей эпохи Людовика XII.
56. Птица.
57. Хищник из породы кошачьих.
60. Лошадь.
62. Рыба.
63. Помесь осла и лошади.
64. Обоз в пустыне.
65. Мужское имя.
67. Покоритель Сибири.
70. Длительное, глубокое вдыхание.
71. Вещество, входящее в состав клетки.
73. Животное.
75. Пустыня в Индии.
78. Минерал.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 14 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

3. Тол. 5. Бах. 7. Сак. 9. Полено. 10. Оберон. 12. Катон. 13. Аахен. 15. Бур. 16. Негоциант. 17. Вал. 19. Керосин. 21. Соловей. 23. Камея. 24. Кабул. 27. Водан. 28. Лазарет. 30. Семафор. 31. Веронал. 33. Татарин. 34. Казачок. 36. Тихоход. 38. Каракас. 41. Колок. 44. Линин. 45. Пинен. 48. Минерал. 50. Кавалер. 51. Дик. 52. Резонатор. 53. Вой. 54. Томан. 56. Макет. 58. Кабаре. 59. Инозит. 60. Сиу. 61. Тес. 62. Дир.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Колония. 2. Паратов. 3. Тот. 4. Ленен. 5. Богораз. 6. Хочинур. 7. Сеанс. 8. Кох. 9. Паром. 11. Невод. 12. Кураре. 14. Наваха. 15. Бек. 18. Лен. 20. Сепаратор. 22. Локомотив. 24. Каракал. 25. Барабан. 26. Левитан. 28. Лоток. 29. Тенис. 30. Сук. 32. Лад. 35. Аконит. 37. Оцелот. 39. Рикошет. 40. Кипарис. 41. Кид. 42. Лекок. 43. Карабин. 45. Паразит. 46. Навет. 47. Ней. 49. Ленау. 50. Комод. 55. Мас. 57. Кир.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. ШАМОРИКОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Адрес редакции: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Тел. К 2-96-12, К 4-28-45. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

Оформление И. Уразова. Стат. формат 275×360 мм. 1/8 доля, 1½ бум. листа. Техредактор А. Котельникова.

Уполн. Главлита А—28886. Изд. № 533. 3 п. л. Знак. в печ. л. 105.000. Одано в набор 26/IV—40 г. Подписано к печати 31/V—40 г. Зак. № 1546. Тираж 300 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.



1-й МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

объявляет прием на 1940—1941 учебный год НА ФАКУЛЬТЕТЫ: **английского, французского и немецкого языков.**

СРОК ОБУЧЕНИЯ — 4 года.

Институт готовит педагогов по иностранным языкам для средних школ и высших учебных заведений.

Прием заявлений о поступлении в Институт производится с 20 июня по 1 августа, вступительные экзамены— с 1 по 20 августа. Принятые иногородние обеспечиваются общежитием. Справки: **Москва,** Метростроевская ул., д. 38, с 11 до 19 часов.

МОСКОВСКИЙ
ЗООТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ НАРКОМВНЕШТОРГА СССР

ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ СТУДЕНТОВ на 1940—1941 учебный год.

ИНСТИТУТ ГОТОВИТ СПЕЦИАЛИСТОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ:

1) охотоведов,
2) зоотехников-звероводов,
3) зоотехников со специализацией по овцеводству,
4) зоотехников со специализацией по птицеводству.

СРОК ОБУЧЕНИЯ — 5 лет.

ПРАВИЛА ПРИЕМА ОБЩИЕ.

ПРИЕМ ЗАЯВЛЕНИЙ до 1 августа.

ПРИЕМНЫЕ ИСПЫТАНИЯ с 1 по 20 августа.

ВСЕ СТУДЕНТЫ ОБЕСПЕЧИВАЮТСЯ ОБЩЕЖИТИЕМ.

Стипендией обеспечиваются на общих основаниях.

Проезд в Институт из Москвы: с заставы Ильича на автобусе «Н» до Института и № 17 до остановки: поворот на Балашиху. Электропоездом с Курского вокзала до ст. Балашиха. Заявления со всеми документами направлять по адресу: **Москва, станция** Балашиха, Дзержинской жел. дороги, Московский зоотехнический институт.

Московский ТЕКСТИЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

ОБЪЯВЛЯЕТ НАБОР СТУДЕНТОВ на 1-й курс 1940—1941 учебного года

ИНСТИТУТ ГОТОВИТ ИНЖЕНЕРОВ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

1) хлопкопрядению,
2) технологии шерсти,
3) шелкопрядению,
4) ткачеству,
5) трикотажному производству,
6) химической технологии волокнистых веществ,
7) художественному оформлению текстильных изделий,
8) механическому и энергетическому хозяйству текстильных предприятий, конструированию текстильных машин,
9) швейному производству,
10) экономике и планированию текстильной, трикотажной и швейной промышленности.

СРОК ОБУЧЕНИЯ 5 лет. ПРИЕМ ЗАЯВЛЕНИЙ с 20 июня по 1 августа.

ПРИЕМНЫЕ ИСПЫТАНИЯ ПРОИЗВОДЯТСЯ с 1 по 20 августа.

ЯВКА НА ИСПЫТАНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПО ВЫЗОВУ.

АДРЕС ИНСТИТУТА: **Москва, 71,** Донская ул., д. 62. Телефон В 5-27-04.
Трамваи: 10, 18, 24, 26, 42, 47. Троллейбус № 4.

ДИРЕКЦИЯ.

Московский ТОРФЯНОЙ ИНСТИТУТ НАРКОМАТА ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ СССР

ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ НА СЛЕДУЮЩИЕ ФАКУЛЬТЕТЫ:

МЕХАНИЗАЦИИ ТОРФОДОБЫЧИ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ и ТОРФОУСТРОИТЕЛЬНЫЙ.

ИНСТИТУТ ГОТОВИТ высококвалифицированных ИНЖЕНЕРОВ по 4 специальностям:

1) горных инженеров по разработке торфяных месторождений,
2) инженеров-технологов по механической переработке торфа,
3) инженеров по торфоустройству: разработке торфяных месторождений и подготовке их для промышленного использования,
4) инженеров по торфоустройству и сельскохозяйственному использованию торфа.

Правила приема и программы испытаний общие для всех вузов и втузов.

С 1 ИЮЛЯ ОРГАНИЗУЮТСЯ КУРСЫ ПО ПОДГОТОВКЕ **в Институт для лиц, окончивших десятилетки, рабфаки и техникумы. Слушателям курсов предоставляется общежитие.**

За справками обращаться по адресу: Москва, Б. Вузовский пер., д. 3/12, Торфяной институт.

Трамваи: «А», 24, 3, 22, 48, 6, 21, 23 до Покровских ворот.

ДИРЕКЦИЯ МТИ.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ
НАРКОММЯСОМОЛПРОМА СССР

ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ СТУДЕНТОВ на 1940—1941 учебный год

В СЛЕДУЮЩИЕ
ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ:

1. **Московский химико-технологический институт мясной промышленности** на очное и заочное отделения (готовит инженеров-технологов и инженеров-экономистов). Адрес: **Москва,** Мясобульварная ул., Сибирский проезд, д. 2.
2. **Ленинградский институт холодильной промышленности** (готовит инженеров-технологов холодильной промышленности, инженеров-механиков мясной и молочной промышленности и механиков холодильной промышленности). Адрес: **Ленинград,** Чернышев пер., д. 9.
3. **Ленинградский химико-технологический институт молочной промышленности** (готовит инженеров-технологов). Адрес: город **Пушкин,** Ленинградской обл., ул. Труда, д. 1.
4. **Вологодский сельскохозяйственный институт** (готовит инженеров-технологов молочной промышленности, зоотехников и агрономов). Адрес: **Молочное,** Вологодской области.
5. **Всесоюзная академия мясной и молочной промышленности** (готовит инженеров-технологов мясной, молочной, консервной, яично-птичной промышленности и зоотехников; обучение очное, дневное и вечернее, и заочное). Адрес: **Москва,** Мясобульварная ул., Сибирский проезд, д. 2.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ в 1940 году во ВТУЗЫ НКПС, ГОТОВЯЩИЕ ИНЖЕНЕРОВ по следующим специальностям:

МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНЖЕНЕРОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА имени И. В. СТАЛИНА.
Москва, 55, Бахметьевская ул., д. 15.
Постройка железных дорог и путевое хозяйство.
Постройка технических и гражданских зданий.
Движение и грузовая работа.
Постройка тоннелей.
Постройка мостов.
Водоснабжение и канализация.
Экономика железнодорожного транспорта.
Инженерная геология.

МОСКОВСКИЙ ЭЛЕКТРОМЕХАНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИНЖЕНЕРОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА имени Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО.
Москва, 55, Новосущевская ул., д. 26.
Паровозное хозяйство.
Вагонное хозяйство.
Теплоэнергетика.
Электрификация железных дорог.
Материально-техническое снабжение.
Механизация путевых и строительных работ.
Паровозная теплотехника.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ ИНЖЕНЕРОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА
Ленинград, Международный проспект, д. 9.
Паровозное хозяйство.
Вагонное хозяйство.
Постройка железных дорог и путевое хозяйство.
Постройка технических и гражданских зданий.
Движение и грузовая работа.
Электрификация железных дорог.
Постройка мостов.
Водоснабжение и канализация.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИНЖЕНЕРОВ СИГНАЛИЗАЦИИ И СВЯЗИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА.
Ленинград, 46, просп. Горького, д. 7.
Транспортная связь (телеграф, телефон, радио).
Сигнализация, централизация и блокировка (СЦБ).

ДНЕПРОПЕТРОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНЖЕНЕРОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА имени Л. М. КАГАНОВИЧА.
Днепропетровск, Севастопольская ул., д. 15.
Паровозное хозяйство.
Вагонное хозяйство.
Постройка железных дорог и путевое хозяйство.
Движение и грузовая работа.
Электросиловое хозяйство.
Постройка мостов.

ХАРЬКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНЖЕНЕРОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА имени С. М. КИРОВА.
Харьков, пл. Фейербаха, д. 7.
Паровозное хозяйство.
Движение и грузовая работа.

РОСТОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНЖЕНЕРОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА.
Ростов на Дону, Новый город.
Паровозное хозяйство.
Вагонное хозяйство.

ТБИЛИССКИЙ ИНСТИТУТ ИНЖЕНЕРОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА имени В. И. ЛЕНИНА.
Тбилиси, ул. Ленина, д. 98.
Паровозное хозяйство.
Постройка железных дорог и путевое хозяйство.
Движение и грузовая работа.
Постройка мостов.

ТАШКЕНТСКИЙ ИНСТИТУТ ИНЖЕНЕРОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА.
Ташкент, городок 1 Мая.
Паровозное хозяйство.
Постройка железных дорог и путевое хозяйство.
Движение и грузовая работа.

НОВОСИБИРСКИЙ ИНСТИТУТ ВОЕННЫХ ИНЖЕНЕРОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА.
Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук.
Постройка железных дорог и путевое хозяйство.
Движение и грузовая работа.
Постройка мостов.

ТОМСКИЙ ИНСТИТУТ ИНЖЕНЕРОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА.
Томск, проспект Ленина, д. 35.
Паровозное хозяйство.
Вагонное хозяйство.
Транспортная связь (телеграф, телефон, радио).
Сигнализация, централизация и блокировка (СЦБ).
Электросиловое хозяйство.

ХАБАРОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНЖЕНЕРОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА.
Хабаровск, Некрасовская ул., д. 128.
Паровозное хозяйство.
Постройка железных дорог и путевое хозяйство.
Механизация путевых и строительных работ.

ЗАЯВЛЕНИЯ О ПОСТУПЛЕНИИ ПРИНИМАЮТСЯ ВТУЗАМИ с 20 июня по 31 июля.
ПРИЕМНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ ПРОИЗВОДЯТСЯ с 1 по 20 августа. НАЧАЛО ЗАНЯТИЙ ВО ВТУЗАХ с 1 сентября.
Подавляющее большинство студентов обеспечивается стипендией. Иногородним предоставляется общежитие. Правила приема общие для всех вузов СССР.

Центральное управление учебными заведениями НКПС.

НАРКОМТОРГ С.С.С.Р.



НА ТЕПЛОХОДАХ и ПАРОХОДАХ,

КУРСИРУЮЩИХ ПО РЕКАМ СССР,

ОБОРУДОВАНЫ

БУФЕТЫ и РЕСТОРАНЫ

●

ЗАВТРАКИ, ОБЕДЫ, УЖИНЫ

и

ПОРЦИОННЫЕ БЛЮДА

●

горячие и холодные ЗАКУСКИ



ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ НА ДЕТСКОЕ ПИТАНИЕ

СЕЛЬПО ПОКУПАЕТ УТИЛЬ

Тряпье, старую резиновую обувь, старую бумагу, кость, паклю, рога и копыта крупного скота. Лом цветных и черных металлов. Старые консервные банки. Старые граммофонные пластинки и их бой. Пух и перо

УТИЛЬ-ЦЕННОЕ СЫРЬЕ ДЛЯ ФАБРИК и ЗАВОДОВ

ТРЕБУЙТЕ ПРЕЙСКУРАНТ

Всесоюзная контора „Центроутиль" Центросоюза С.С.С.Р. и Р.С.Ф.С.Р.


Огонек
Цена 50 коп.